

Елена ВАНИНА

ЭХО ВОЙНЫ

*Воинам Великой
Отечественной войны –
защитникам нашей Родины,
65-летию Победы
посвящается*

Елена ВАНИНА

821 PG K
817

ЭХО ВОЙНЫ

Кемерово
Кузбассвуиздат
2010

ББК 84Р7

В17

Автор сердечно благодарит за помощь в издании книги
главу города Ленинска-Кузнецкого
Вячеслава Николаевича ТЕЛЕГИНА

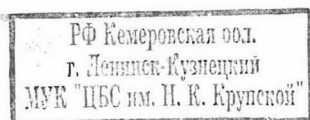
86736 (10)

Ванина Елена

Эхо войны / Елена Ванина. – Кемерово: Кузбассвуизд-
В17 дат, 2010. – 123 с.: ил.

ISBN 5-202-00340-4.

ББК 84Р7

ISBN 5-202-00340-4

© Ванина Е., 2010

© Издательство «Кузбассвуиздат», 2010

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Перечитывая рукопись Елены Николаевны Ваниной, испытываешь непреходящее чувство вины за наших русских девушек, павших и выживших в страшное лихолетье войны. И сразу же вспоминаются строки знаменитой русской поэтессы, медсестры (сестры милосердия) Великой Отечественной войны Юлии Друниной:

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...*

Рукопись Елены Николаевны Ваниной – это живое сопричастие тем далеким суровым временам народа нашего и страны, это действительно неумолкающее эхо грозových раскатов тех лет.

Строчкам этих стихотворений веришь с полуслова, там вся правда, без прикрас. Достаточно вспомнить такие стихи: «Начало войны», «О себе», «Проводы», «О девушке-солдатке».

Это о себе и своих подругах сказала Елена Ванина:

*Серая, грубая очень
Стала нарядом шинель
(Будешь ты в ней дни и ночи),
Талию обнял ремень...*

Или такие пронзительные строки о войне:

*Там жизнь выпадает не многим...
Храни тебя Ангел, храни.*

Сегодня, когда пытаются исказить историю Великой Отечественной, рукопись Елены Ваниной должна быть издана. Слова этой книги несут правду и любовь к Отечеству.

Председатель Союза писателей Кузбасса,
секретарь Правления Союза писателей России Б. БУРМИСТРОВ

Родилась я, Ванина Елена Николаевна, 7 июня 1923 г. в селе Каракан Беловского района Кемеровской области, в то время – Новосибирской. В том селе училась по 5-й класс.

С раннего детства познала всю крестьянскую работу: в посевной боронила, в сенокос уже косила косой, в уборочную пору жала рожь и пшеницу серпом и вместе со взрослыми вручную цепом молотила на току. И к домашним работам меня приучили очень рано. В семье из четырех детей я была старшей, потому маме нужно было помогать во всем. В зимнюю пору пряла пряжу, могла ткать холст, нянчилась с младшими сестрами и братом.

В январе 1939 г. мы семьей переехали в Ленинск-Кузнецкий к своим родственникам, так как в селе жить уже было невозможно. До нового урожая нам не хватало хлеба, и каждую весну мы голодали. Питались только картошкой и капустой.

В 1941 г. я окончила в городе семилетку.

Началась война, и вместо учебы пришлось идти работать. А в мае 1942 г. меня призвали в армию и отправили на фронт, в пути мне исполнилось 18 лет. Я прослужила до конца войны. Дивизия, в которой я служила, вела бои на Волховском фронте под Ленинградом, потом под Сталинградом, освобождала Украину в составе Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. Служба моя проходила в 259-й Артемовской стрелковой дивизии, а с августа 1944 г. – в 40-й гвардейской Енакиевско-Дунайской ордена Суворова Краснознаменной стрелковой дивизии. С этой дивизией участвовала в освобождении Молдавии, Болгарии, Румынии, Югославии, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Дивизия встретила с американскими войсками в самом конце войны.

Награждена 23 правительственными наградами, восемь из которых – боевые. Это две медали «За боевые заслуги», медали «За оборону Ленинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией...», медаль Жукова, ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени и другие.

В конце октября 1945 г. после демобилизации вернулась домой в свой родной город Ленинск-Кузнецкий.

Почти тридцать лет проработала в Кузбасской геофизической экспедиции в отделе кадров, откуда и ушла на пенсию в 1978 г.

Пристрастие к стихам появилось после войны. Хотелось оставить памятный след о пережитых фронтовых днях и пройденных дорогах, о тяжелой солдатской жизни, когда ежеминутно находишься под куполом смерти.

Елена ВАНИНА

ВОСПОМИНАНИЯ О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ, ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА

Да, время летит, как ракета. И его не остановить, не замедлить. Из дней складываются года, десятилетия и сама жизнь...

И вот мы, участники Великой Отечественной войны, уже дедушки и бабушки, а осталось нас на родной матушке-земле очень и очень мало. Время не щадит человеческие жизни.

Так быстро пролетела жизнь. А хочется оставить память на страницах этих о своих близких, родных, о тех, кто прошел дорогами войны, чтобы внуки наши и правнуки знали, каким было их старшее поколение, как любили свою Родину и защищали Россию от нашествия злых врагов испокон веков...

Начну с дедов, прежде чем рассказать о своих братьях, сестрах и дядях, которые прошли по дорогам войны, а кто и сложил свои головушки в кровопролитных боях.

Мой дедушка по материнской линии – Винокуров Тимофей Илларионович – служил долгие годы в царской армии. Был участником войны с Японией, Германией. Его несколько раз призывали в армию, и дома он бывал небольшими периодами. Последняя война была гражданская. Службу свою он закончил в Красной Армии в звании старшины.

В старой армии был награжден Георгиевским крестом.

После гражданской войны вернулся домой, но не долго пожил со своей семьей на белом свете. Свирепствовала страшная

болезнь – тиф. И дедушка Тимофей умер. В его семье от этой болезни умерла его сноха, и был при смерти сын Сергей, но он чудом выжил. Он даже не знал, что его жена умерла – был без сознания очень долго. Дедушка был замечательным человеком: высокий, стройный, красивый, с шикарными усами, был очень смелым, решительным, честным.

Жил он с семьей в деревне Пермяково Беловского района. В тридцатые годы его семья переехала в город Белово.

Также хочется рассказать и о другом дедушке, по линии моего отца. Ванин Абрам Александрович жил с большой семьей в селе Каракан Беловского района.

Во время гражданской войны его сыновья Василий и Николай служили в армии. Младший сын Александр жил в городе Томске, работал на заводе. Был связан с партизанским движением. Когда в Сибири свирепствовали колчаковцы и банды белых вели расправу с неугодными им жителями, борьбу с ними вели партизанские отряды. В их числе находился и дедушкин сын Александр. За это дедушку белые арестовали и пытали. Ставили к стенке, чтобы запугать расстрелом. Но, не добившись от него признания, где находится партизанский отряд, решили его казнить – сжечь на костре.

В центре села уже был разложен костер, но прибыл в село партизанский отряд и расправился с бандитами-карателями. Дедушку Абрама спасли.

В числе белых был дедушкин зять, который все время грозил дедушке, что убьет его сына Александра. А получилось так, что зять в этой схватке был убит партизанами. Нашли его спрятавшимся на чердаке дома его родных. Партизанский отряд в тех местах был не один, их было много по всей Сибири.

Дядя Александр – сын дедушки Абрама – в этих боях погиб под Старокузнецком. О его гибели было сообщено дедушке, так как Александр еще не был женат. Его сестра Евдокия потом ездила в город Томск на квартиру, где проживал Александр, за его вещами.

Я до сих пор помню тот большой чемодан с вещами: книги, тетради с рисунками, хотя была еще маленькой. Дедушка открывал свой зеленый сундучок, доставал пачки писем, полученных

от своих сыновей из армии и из г. Томска от Александра, и читал нам, внукам.

Дедушка Абрам потом жил в нашей семье. Растил нас, так как бабушка Анна (его жена) умерла от тифа. Он прожил сто лет. Умер в конце декабря 1938 г.

Мой отец Ванин Николай с 1917 г. служил сначала в старой армии, а потом в Красной Армии на действительной службе на востоке. Участвовал в войне с Японией, с Колчаком и белочехами.

В одном из боев был ранен. Одновременно был ранен и его командир Клевцов Самсон, его земляк из нашего села Каракан. Отец вынес его с поля боя и спас ему жизнь. Ему отняли ногу, и после излечения Самсон вернулся домой, жил в нашем селе, работал председателем сельского Совета. Я помню, как он ходил на деревянной ноге.

Старший брат отца Ванин Василий тоже служил в армии в звании офицера еще несколько лет и после гражданской войны. А его двое детей – сын и дочь – воспитывались в нашей семье до совершеннолетия, пока не обзавелись своими семьями. Не хотели уходить к отцу, когда он вернулся домой. Эти воспоминания из рассказов моего дедушки Абрама, отца Николая и бабушки Матрены – жены дедушки Тимофея, а также родственников, живших в нашем селе, остались с детских лет в моей памяти. А потом уже, после Отечественной войны, я расспрашивала у своего отца и мамы, что мне было не понятно о родных – защитниках Отечества.

* * *

Мой дядя, Владимир Васильевич Дудочкин, был одним из участников Кольчугинского восстания. Строки его биографии крайне скупы, и об удивительной судьбе этого человека больше расскажут мои воспоминания.

Знаю, что дядя, 1888 г. р., до революции жил в Кольчугине, работал на шахтах рудника.

При подавлении восстания был арестован, приговорен к расстрелу. Когда повстанцев вели к Камышенскому логу, ему удалось каким-то чудом бежать: люди шарахнулись в разные сторо-

ны, возникла суматоха, колчаковские вояки хлестали нагайками, стреляли по дяде, но не попали.

Его спасли заросли приинской согры, куда каратели боялись соваться из-за партизан.

Какое-то время пришлось скрываться по окрестным селам, но главное, что остался жив. Так Владимир Васильевич оказался в числе очевидцев тех героических событий. К нему даже как-то приходил корреспондент газеты «Ленинский шахтер», беседовал о состоянии здоровья, расспрашивал о событиях тех лет, а потом была напечатана статья.

После установления советской власти дядя долгие годы трудился на шахте имени Ярославского, пока в 1952 г. не ушел на пенсию. Работал десятником, отпускал топливо с угольного склада. Своими руками построил дом, где жила его большая семья. Вместе с женой Варварой Тимофеевной они воспитали шестерых детей – троих сыновей и трех дочерей.

Когда грянула Великая Отечественная война, на фронт ушли трое их сыновей и дочь. Двое младших Дудочкиных погибли, а старший сын был так искалечен, что, вернувшись с Победой, преждевременно умер от ран.

Дочь-фронтовичка тоже вернулась с войны, жива она до сих пор, местом ее постоянного жительства стал город Новосибирск. Туда же в 1955 г. переехал из Ленинска-Кузнецкого и дядя. Через восемь лет он ушел из жизни. Такая вот семейная история.

Владимир Васильевич был очень скромным, порядочным и честным человеком. В коллективе его уважали за трудолюбие, профессионализм, принципиальность, верность слову. Если сказал, обязательно сделает. Все мы почему-то очень хорошо его понимали. А вот о себе он никогда не рассказывал, даже когда мы собирались вместе и был повод поговорить по душам.

Обычно он просил меня попеть с ним старинные песни. И когда мы начинали первый куплет, из его глаз потихоньку катились слезы.

Конечно, мы знали, что наш дядя был в числе участников Кольчугинского восстания, но не придавали этому большого значения. С годами все это вообще забылось, отошло в далекие

дали памяти. Ведь после гражданской войны мы пережили еще более страшную войну – Великую Отечественную, когда каждая семья теряла на фронте родных и близких.

А теперь я все чаще перебираю свою родословную: письма, фото, документы. В нашем роду было много таких героических людей, как Владимир Васильевич Дудочкин: и до революции, и после нее, и в годы военного лихолетья. В канун 90-летия восстания я даже написала стихотворение о своем замечательном дяде и отправила его дочерям нашего повстанца – моим двоюродным сестричкам.

О побеге дяди во время расстрела я узнала от его внучки Угаровой Галины. А ей рассказывала об этом мама – племянница Владимира Васильевича, которая укрывала отважного повстанца в своем доме на новостройке.

Он потом часто приходил к ним в гости, вспоминал те незабываемые события, плакал по-мужски, скупыми слезами. И всегда рассматривал большую групповую фотографию участников восстания, которая бережно хранилась в доме. Она и сейчас хранится у его дочери в Новосибирске. Такое же фото есть в краеведческом музее. На снимке рядом с товарищами запечатлен и Владимир Васильевич, запечатлен теперь уже навечно.

Любимой песней его была «Замучен тяжелой неволей». Хорошо помню еще одну, где есть такие замечательные строки. Они написаны как будто прямо о нем:

*Скрывается солнце за степью,
Вдали – золотистый ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.*

Вспоминая те далекие дни, я как бы вижу все это вновь. Как мы сидим с ним рядом за столом с родными, обнявшись, склонив головы друг к другу, и поем его любимые песни. И сейчас у меня, как и у него в то время, невольно катятся горькие слезы. Сколько же нам пришлось пережить, выстрадать в своей жизни, пройти через смерть, потерять самых близких нам – ему сыновей, а мне братьев, кроме Дудочкиных, еще и других.

ЗАЩИТНИКИ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

А теперь хочется рассказать и о защитниках нашей Родины в Великую Отечественную войну, когда я уже сама была очевидцем всего происходящего.

В эти страшные дни моей юности черной полосой пролегла дорога войны для всех моих родственников: мужчин, юношей и девочек, моих сестер, в том числе и меня.

С первых дней войны стали мобилизовать на войну моих дядек.

Кудрявцева Федора – мужа моей тети, мобилизовали в 1941 г., после небольшого обучения в нашем же городе. Был отправлен на фронт, был ранен. После излечения в госпитале его на несколько дней отпустили домой. Мы его расспрашивали о войне. Он был командиром взвода. Рассказывал, как шли в наступление, как освобождали села и как отступали, как его ранило.

Побыв дома, он снова возвратился на фронт и продолжил воевать. В 1942 г. он был вторично ранен, после госпиталя его комиссовали, и вернулся он с войны инвалидом второй группы.

В том же 1941 г. был мобилизован на фронт и второй дядя – Кулефов Алексей Ефимович, который сначала служил на востоке, а потом и на западе в авиационной части – остался живым.

Винокуров Николай Тимофеевич – мой дядя. Служил в армии на действительной службе с начала и до конца войны, демобилизовался осенью 1945 г. Весь период был на фронте, был ранен.

А теперь расскажу и о своих братьях и сестрах – участниках войны, кто ушел вслед за дядьками на фронт.

Из семьи Дудочкиных, дяди Владимира, были мобилизованы на фронт три сына и дочь, вот из этого дома, в котором я сейчас живу.

Из села Каракан мобилизован на войну Изотов Александр, муж двоюродной сестры. Мартыанов Иван Алексеевич был кадровым офицером и был в боях с первых дней, в первой же схватке был тяжело ранен. Потом, продолжая служить Отече-

ству как кадровый командир, защищая Севастополь, пал смертью храбрых, – так говорилось в похоронке, пришедшей матери с отцом.

Мартьянов Дмитрий Алексеевич, мой двоюродный брат, после окончания ремесленного училища в нашем городе был направлен на работу, на шахту имени Кирова. Проработав три месяца, был мобилизован в августе 1942 г. и направлен на фронт. Совершил героический подвиг на фронте в Орловско-Курском направлении в 1943 г. Вернулся с войны инвалидом второй группы. По-страшному был искалечен войной и в конце 1972 г. умер от ран.

Ванин Александр Васильевич воспитывался в нашей семье, был мобилизован на фронт в 1942 г. – погиб. Осталось четверо детей без отца.

Винокурова Анна Сергеевна, по мужу Нефедова, работавшая на шахте им. Кирова библиотекарем, в мае 1942 г. была мобилизована в армию и отправлена на фронт. Служила в зенитно-прожекторном подразделении командиром зенитной установки.

Вот список моих близких родных, кто был призван в армию и отправлен на фронт.

Кудрявцев Федор – остался жив.

Кулешов Алексей Ефимович – остался жив.

Винокуров Николай Тимофеевич – остался жив.

Винокурова Анна Сергеевна – осталась жива.

Дудочкин Алексей Владимирович – остался жив.

Дудочкин Александр Владимирович – погиб.

Дудочкин Геннадий Владимирович – погиб.

Дудочкина Раиса Владимировна – осталась жива.

Изотов Александр – погиб.

Мартьянов Иван Алексеевич – погиб.

Мартьянов Дмитрий Алексеевич – вернулся живой, но не долго жил, умер от ран.

Ванина Елена Николаевна – осталась жива.

Ванин Александр Васильевич – погиб.

Ванин Илья Васильевич – остался жив.

Вот такой букет моих родных защитников Отечества останется как память для наших потомков, как родословная, кото-

рую должны мы помнить и не забывать. Дорого мы заплатили за Победу, чтобы наши потомки знали и не были рабами у фашистов-«завоевателей», мечтавших быть покорителями всего мира.

Нас никогда не покидали те ужасы фронтовых дорог, дней сражений, когда смертушка висела над головой и ходила рядом по пятам. А жить ведь так хотелось всем, несмотря на то, что вокруг грохочет война и ты солдат в этом круговороте жестокости войны. Казалось, ей не будет конца. И действительно – дорога ее была очень длинной и долгой.

ПОВЕСТКА И ПРОВОДЫ НА ФРОНТ

Помню тот страшный день, когда объявили по радио, что Германия вероломно начала войну с нашей страной.

Было воскресенье, светило ярко солнце, было очень тепло, но как-то стало всем не по себе, мрачно.

Я с подружками пошла в городской парк. И там как-то само собой стихийно организовался митинг. Люди говорили о начавшейся войне, о нападении на нашу страну, о том, что надо защищать нашу Родину, города и семьи.

Все громко кричали: «Я пойду на фронт!», «Смерть оккупантам!» Помню выступление человека в военной форме офицера, находящегося в отпуске у родителей в нашем городе. Он сказал, что завтра же возвращается в свою часть. Выступлений было много. Не играл в этот вечер духовой оркестр на танцплощадке. Возле военкомата выстраивались очереди добровольцев.

Словно мрачное облако повисло над людьми и городом. И с этого дня круто изменилась жизнь всех нас, неизмеримая тяжесть вошла в наши сердца и неумное горе.

Стали уходить на войну близкие, родные из семей: отец, дети, братья.

Каждый день мы ждали сообщения по радио – сводку совинформбюро, как враг наступает, занимая наши села и города. Мы, еще девчонки, не представляли себе ужаса всего предстоящего, а у наших мам при слове «война» текли слезы.

В 1941 г. я окончила 7-й класс. Записалась в школу в 8-й класс, но занятий в школе не было, так как все: и учителя, и дети – ездили в колхозы на уборку урожая. Жили в клубе, спали прямо на сцене. Работали на току и в поле.

У родственницы мужа взяли на фронт, он был офицером, а с ней осталось двое маленьких детей, один из них грудной. Ей надо было идти на работу, а детей не с кем оставить. Она уговорила мою маму отдать меня в няньки на зиму.

Зиму с детьми водилась, а весной пошла искать работу в связи с тем, что жизнь материально была трудной, а семья у нас была большая – четверо детей, бабушка (мамина мама). Работала только мама, и я решила найти работу. Кто-то мне подсказал, что нужно пойти в горком партии, а там посоветуют или направят туда, где можно найти работу.

В отделе кадров мне предложили работу в госстрахе – страховым агентом, сначала учеником. В то же время меня спросили: а если понадобится куда-то поехать на трудовой фронт – поедете? Я дала согласие: «Да, если нужно, ведь война».

Меня записали в какой-то список.

Учеником страховщика я проработала несколько дней и стала работать самостоятельно. Страховала дома, имущество горожан, местных жителей.

А через месяц из военкомата пришла мне повестка. Таких, как я, собрали 75 человек из девчат и молодых женщин. Вместо трудового фронта привезли нас под Ленинград в прифронтовую зону, где располагались госпитали в уцелевших поселках, а через месяц откомандировали нас, пятнадцать девчат, в формирующуюся стрелковую дивизию.

В начале мая 1942 г. мы проводили мою двоюродную сестру Аню Винокурову, а 30 мая и меня тоже провожали. Это была третья мобилизация девчат из нашего города. До моего сознания не доходило, что это серьезно. Какие мы солдаты – семнадцатилетние девчонки со школьной скамьи. Восемнадцать мне исполнилось по дороге на фронт. А говорили нам, что направят на какие-то тыловые работы, так мы и представляли.

А когда пришла повестка из военкомата, мнение изменилось. Стала меня мама собирать в дальнюю дорогу со слезами

на глазах. Но не думали мы, что на войну. Кое-что собрали из вещей: зимнее пальто, легкое байковое одеяло, смену белья, платье, теплую кофту и прочее. На самом деле потом мне это очень пригодилось.

Провожали меня мама, две младшие сестренки и две тети, мужья которых уже были на фронте. Из всей родни больше уже некого было провожать, я последняя.

Всегда при проводах на станции присутствовали секретарь горкома комсомола и горкома партии Тураев. И на этот раз тоже говорил напутственную речь. Отправляющихся девчат и женщин разного возраста – 75 человек, столько же и мужчин, но они были уже не молодого возраста.

Сопровождающие нас были из военкомата: старший лейтенант и политрук, тоже офицер.

Подшли к платформе товарные вагоны, и мы заняли их. Родные рыдали, глядя на нас. Может быть, некоторых из нас видели последний раз. Я все еще не осознавала, что это явь, а не сон. И когда поезд тронулся, я поняла, что это не сон, а самая настоящая действительность. Обуяли неудержимые слезы.

Разместились на двухъярусных нарах из нестроганных досок. Так началась моя новая жизнь на колесах.

ДОРОГА НА ФРОНТ

Оказалось, что я не могу переносить поездку в поезде, как гляну из вагона, у меня кружится голова и наступает тошнота. И я лежала, не поднимая головы, несколько дней. Соседки мои по нарам беспокоились, давали мне какие-то таблетки, понемногу я стала привыкать.

Иногда по несколько часов стояли наши вагоны на станциях, ждали, когда их прицепят к какому-нибудь составу. Мы бегали за кипятком на станцию. Питались сначала тем, у кого что было из дома, а потом нам давали сухой паек: хлеб, сухари, консервы. Этим занимались офицеры, сопровождающие нас, и некоторые выбранные из мобилизованных.

Из нас многие были добровольцами. Они вели себя весело, смело, словно ехали куда-то на праздник.

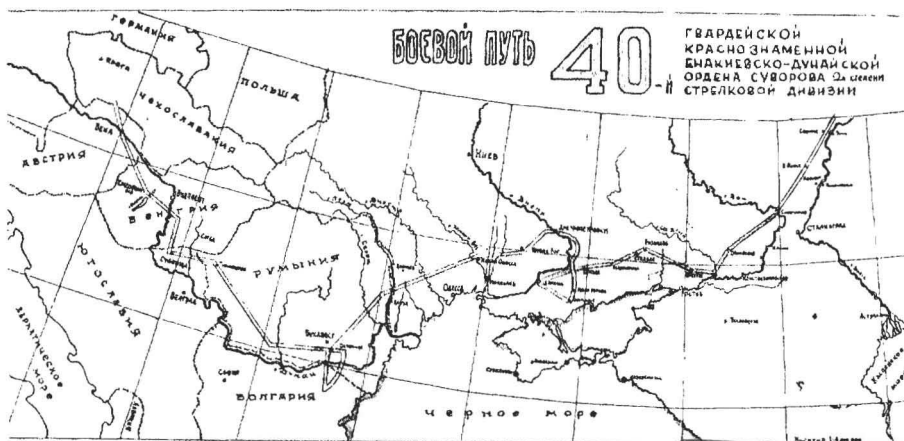
Я же очень затосковала о доме, и все время думала о своей семье, и чувствовала всем существом своим, как тяжело моей мамочке без меня. Ведь я была в доме за хозяйку уже давно, а мама почти не находилась дома, всегда работала. Она одна воспитала нас, четверых, еще с нами жила наша бабушка – ее мать, а ее сын был на фронте.

Жили мы очень бедно, недавно переехали из деревни в Ленинск-Кузнецкий к своим родным, чтобы не умереть с голоду там, в деревне. Каждую весну жили без куска хлеба, не один месяц на картошке и капусте.

Человек способен привыкать ко всему, вот и я постепенно входила в колею этой не понятной для меня жизни и жила по команде.

Девчата пели песни, устраивали танцы. Когда поезд стоял где-нибудь на станции, а рядом останавливался эшелон с солдатами, то девчата устраивали настоящие концерты перед ними. Наряжались по-разному, надевали лапти, приобретенные на перронных базарчиках, то цыганками выступали. Одним словом, веселили себя как могли.

Ехали долго. В конце пути видели разбомбленные станции, пути, разбитые вагоны и остановились совсем.

РФ Кемеровская обл.
г. Новокузнецк 17
МУК ЦСБ им. Н. А. Крупской

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Дальше путь был разрушен.

Приехали под Ленинград. Там на пути стоял поезд – вагоны-бани. Мы прошли санобработку, помылись в бане-вагоне, и дальше наш путь был пешим.

Шли, уже строго соблюдая маскировку. Шли по лесной местности, через разрушенные села.

В уцелевших домах располагались госпитали. Мы видели окровавленные носилки возле домов. Вот тут-то и запахло крепко войной. Путь наш был до деревень Кукуй и Хотицы.

Расположили нас на скотном дворе, в коровнике длинном, с одной стороны мы, девчата, а во второй половине – мужчины.

Пол там был деревянный. Мы рвали траву для подстилки. Другого ведь ничего не было. Дверей там не имелось и окон тоже. Вот тогда мне и пригодилось мое пальто, которое я стелила на траву, а байковым одеялом укрывалась. Вещевой мешок вместо подушки служил.

По всей вероятности, сопровождающие нас офицеры с самого начала, еще в Ленинске-Кузнецком, знали, куда нас везут. И для чего.

В этом селе было оборудовано дезинфицирующее прачечное отделение для стирки и обработки белья из госпиталей, находящихся в округе. Белье с раненых солдат, с передовой, окровавленное, очень грязное, завшивленное.

Полагалось выстирать на стиральной доске сорок пар белья каждому (это рубашка и кальсоны), прополоскать в речке, потом белье закладывали в дезинфекционные баки и кипятили, обрабатывали от вшей.

Мне стирать не приходилось, меня как слабую и хилую определили в обработку и штопку белья. Мы сидели и скальпелем проводили по каждому внутреннему шву белья – от гнид и вшей, а их там было очень много. Штопали белье вручную.

Очень голодали, кормили так, чтобы только не протянули ноги. Повара были такие из своих же. А начальство – те же офицеры из Ленинска. Варили бульон из пшенки жиденький и один

сухарь, отрезанный поперек булки. Хочешь – сразу съешь, хочешь – раздели на два раза.

Собирали грибы, воровали колосья пшеницы с поля рядом у деревни.

Стали происходить случаи дезертирства. Девчата сбегали, конечно, не от хорошей жизни, а из-за голода.

Потом десять человек, в том числе и я, были отправлены на покос, на заготовку сена для лошадей, находившихся в военных частях или госпиталях и разных воинских тыловых соединениях.

Привели нас туда, где сено косили солдаты. Они жили в палатках, а нас определили в полевой колхозный амбар, продуваемый всеми ветрами. Нам там было страшно. Мы устроились на чердаке, настелили сена. С собой нам дали сухарей и крупы и больше ничего. Сгребали сено и переворачивали, чтобы быстрее сохло. Погода была очень плохая, часто шли дожди, место было болотистое.

Не имея никакой спецодежды, быстро обносились. Парусиновые наши туфли пришли в негодность. Ходили почти босые. Ночью заедали комары. Перед сном в амбаре жгли костер, чтобы выжить комаров, а потом завешивали дверь, но это нас почти не спасало.

Всегда хотелось есть. Собирали грибы, добавляли в жиденькую крупяную похлебку. Как было обидно, когда доносился вкусный запах от солдатской кухни. Мы на них работали, а они нас не могли покормить.

Вот там, на этом покосе, разутая, а ноги сырые, холодные, да еще с голодухи, я заболела. Стала опухать, глаза затекли, ноги как бревешки сделались, не могла на них ступить. Что делать? Девчата выпросили у военных лошадей и на телеге меня повезли к врачу в ближнюю деревню, туда, куда указали военные.

Врач дал мне каких-то лекарств и освобождение от работы. И так я сидела у этого амбара, варила девчатам обед. Опухоль стала спадать. Военные нас предупредили, чтобы мы далеко в лес не ходили, так как были случаи, когда они задерживали в лесу немцев, заблудившихся в ленинградских лесах, с передовой.

Когда мне стало получше, но еще не совсем я поправилась, девчата решили меня увести не на покос, а к своим. Вышли мы после обеда и шли до темноты по каким-то лесным дорогам. Не помню, как добрались до своего коровника, помылись в бане и легли спать.

Всю ночь я была в бреду, как рассказывали рядом спящие девчата. Утром все ушли на работу, меня так и оставили. Помню, как ходил, проверял политрук наш, сорвал с меня мое одеяльце со словами: «А она почему не на работе?» Дежурный по нашему «общежитию» сказал, что я всю ночь была в бреду с высокой температурой.

Тогда вызвали врача из госпиталя, а вся деревня была госпиталем. Я пришла в сознание и помню, как меня послушала и осмотрела военный врач-офицер и приказала увезти в госпиталь. Меня под руки подвели к повозке, уложили, и врач увезла меня.

Госпиталь – деревенская изба из трех комнат, там на носилках лежали раненые солдаты. В уголке за печкой сделали занавес из простыни и тоже на носилках уложили меня. Сознание то приходило, то исчезало.

Переодели меня в мужскую рубаху и кальсоны. Только мои косы выдавали, что я девчонка. В этой комнате было раненых семь-восемь человек. Носилки стояли подряд. Очень тяжело было контуженному солдату, он стонал не переставая.

Врач сказала, что она быстро меня поставит на ноги. Видя мою истощенную фигуру, назначила мне усиленное питание и лечение. Видимо, давала и порошки какие-то, потому что я стала вся желтая, но поправлялась. Через неделю уже выходила на улицу посидеть на лавочке у крылечка.

Девчата приходили проводить меня. Я подружилась с Надей Пестеревой. Спали мы с ней рядом в том коровнике. Потом ее взяли в воинскую авиационную часть поваром.

Пробыла я в госпитале три недели. А пока я там находилась, пятнадцать самых молодых девчат отобрали, чтобы отправить в воинскую часть на фронт. В том числе оказалась и я.

Когда меня выписали из госпиталя, я пришла в расположение своего прачечного отряда (оно называлось ДПО). Для писем

домой был такой обратный наш адрес – полевая почта, номер ее, и далее писалось это «ДПО». Девчата расшифровывали по-своему и со смехом говорили, что домой написали, что служат в добровольном партизанском отряде.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Через три дня пришла машина, чтобы забрать меня и еще двух девушек, которые отсутствовали при отправке, в тот день я еще была в госпитале.

Итак, мы едем, не знаем куда, ближе к фронту. Когда приехали в расположение воинской части, слезли с кузова машины со своими пожитками, зашли в большую палатку. Это был продовольственный склад. Большой продолговатый стол из досок, а на нем лежат продукты разные. Нас пригласили к столу. А мы с голодухи за долгое время набросились на эту еду, а военные офицеры нам говорят, чтобы мы сильно не наедались, а ели помаленьку, а утром будет и горячая пища, иначе нам будет плохо. Они уже знали от ранее прибывших к ним наших девчат, что мы жили впроголодь.

Нас встретили и наши девчата, они сидели в стороне от палатки. И когда мы подошли к ним, то наш первый вопрос был: а как здесь кормят. Потом мы сидели у угасающего костра, и они нам говорят: вот уже третий день, как сюда приехали, ничего не делаем, а только варим и едим.

Нас привезли в 259-ю стрелковую дивизию, вышедшую из окружения из-под Мясного Бора. Тоже пережившие голод и ужасы войны, они пробивались через немецкую передовую.

На ночлег нас разместили в небольших палатках, и мы, через многое прошедшие, спали по-человечески уютно и спокойно.

Людей военных было немного. Нас распределили по полкам, а их – три пехотных и один арtpолк: в 939, 944, 949 и 801-й.

Я, Галина Волкова, Нина Иванова и Саша Корнеева попали в 939-й стрелковый полк. Это был наш полк. Часть эта стояла в прифронтовой полосе в лесу в километрах двадцати от передовой линии. Командиром полка был майор Кореньков, заме-

стителем – помощник по хозяйству капитан Федор Плюснин, отчество не помню. Все располагались в палатках недалеко друг от друга.

Капитан Плюснин приказал повару, чтобы он нас как можно лучше кормил, и действительно, вскоре нас было не узнать. Сначала мы были все вместе, а когда часть стала получать пополнение, формироваться, появились и подразделения в полку. Была сформирована и санрота. Прибыл и медперсонал. А до этого были только медсестры Леля Мухина и Дина Никольская.

Нину и Сашу определили в санчасть, меня и Галю Волкову – в хозяйвод в помощники к повару. Работу выполняли всякую: на складе, стирали и готовили.

Нас, девчат, учили обращаться с оружием, стрелять, пользоваться гранатами. Постепенно мы входили в колею фронтовой жизни. Выдали обмундирование: гимнастерку и брюки, подобрали шинель, пилотку, в вещевое снаряжение входила плащ-палатка, вещмешок. На меня не было сапог небольших, вместо 35-го нашли старенькие 37–38-го размера. Подремонтировали, в хозяйводе был и сапожник.

Медсестра Леля была очень интересная, боевая, уже с медалью на груди «За боевые заслуги». Про нее рассказывали, как она, находясь в окружении с сослуживцами санроты, не хотела больше там находиться и сама одна пошла к линии немецкого окружения, по пути к ней примыкали солдаты-одиночки. Под ее «командованием» прорвались через немецкий заслон и вышли к своим. За это мужество ее и наградили медалью. Мы на нее смотрели с большим уважением, как на героя. Она москвичка и после войны там жила. Была контужена потом под Синявино.

Когда начиналась ночь, подолгу сидели у костра. Военные, вышедшие из окружения из-под Мясного Бора, много рассказывали, как в зимних условиях они там были без продовольствия, отрезанные от своих частей, ели мясо убитых лошадей, находя их в снегу.

В течение августа дивизия была полностью укомплектована личным составом и боевой техникой, транспортом, всем, что положено было, – артиллерией, пушками, пулеметами. В дивизии

к тому времени было уже двенадцать тысяч человек. Вот такую армию нужно было накормить, обеспечить оружием, скрытно разместить до выхода на передовую.

Дивизия входила в состав 2-й Ударной Армии Волховского фронта.

Нас с Галиной приняли в комсомол. 30 августа в наш полк приехал начальник политотдела – старший батальонный комиссар Предеин, и под сосной нам вручил комсомольские билеты с наказом честно служить Отечеству.

А в ночь 30 августа наш полк выступил на передовую. Была подготовлена дорога в лесу, в болотистых местах дорогу устилали бревнами и скрепляли их между собой. Вот по этому пути шли, ехали машины, повозки, пушки везли лошадьми, пехота шла пешком – строим всю ночь в полной темноте. В тех местах всякое движение днем было невозможно. Всегда в небе висели «мессеры» и все движущееся расстреливали и бомбили.

Даже ночью был слышен гул самолетов над нами. Сначала с самолетов сбрасывали светящиеся ракеты-фонари на парашютиках. Они горели и освещали, что внизу, и потом самолеты сбрасывали бомбы. Во время этого выступления у нас уже были жертвы.

По такому неровному пути-дороге было очень трудно продвигаться. А за ночь мы должны были добраться до пункта назначения, потому шли быстро. Я сначала немного ехала верхом на лошади, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть, потом шла, держась за повозку, чтобы не упасть.

К рассвету мы были уже на месте. Пехота заняла переднюю линию в окопах, где их не было, окопались. Разложив костерок, мы грелись и перекусывали тем, у кого что было.

И вдруг слышим гул самолета. Со стороны противника появились бомбардировщики, словно летящая стая журавлей, таким же клином. В один миг сделали перед нами разворот и пошли в пике, это означало, что нас накроют. В лесу везде были военные. Они знали, как нужно спастись. От костра всех как рукой смахнуло. Куда-то все побежали, я тоже побежала. Когда самолеты сбрасывали бомбы, все падали и прижимались к земле, старались голову спрятать куда-нибудь. Мне кто-то прокричал: «Не

двигаюсь, прячь голову», – вдруг начали рваться бомбы. Смерд, дым, стало темно, как в сумерках, а самолеты стали заходить в пике во второй раз. Вот так первый раз я узнала, что такое вражеская бомбежка.

Когда самолеты улетели и я нашла то место, где мы сидели у костра, там лежали двое военных. Я уже не помню, кто из наших офицеров был убит. Они, пригревшись, уснули, а бомба упала рядом и их убила. Также убило ту лошадку, что была привязана у дерева рядом с нами.

Это было мое первое боевое крещение. А потом бомбежки стали ежедневными и по несколько раз в день.

Вскоре мы снова делали переход ближе к передовой, где были окопы, блиндажи и землянки. Там можно было укрыться от бомбежки, так как блиндажи и землянки были с толстым покрытием из бревен в три-четыре наката и сверху был еще толстый слой земли. Так началась настоящая фронтовая жизнь под постоянный грохот пушек, взрывы прилетающих снарядов.

Впереди была передовая, сзади – Ладожское озеро в районе Синявинских высот. Противник пытался во что бы то ни стало столкнуть нашу дивизию в Ладожское озеро. А задача дивизии – удержать свои рубежи любой ценой, не дать противнику это сделать, спасти Дорогу жизни, что проходила к Ленинграду. Летом по воде – водным транспортом, а зимой – по льду. По этой Дороге жизни снабжали Ленинград продовольствием, боеприпасами для ленинградского фронта. Снабжали всем, что нужно было, а из Ленинграда эвакуировали раненых, истощенных детей.

Наш полк вел жестокие бои, удерживая занятые рубежи, нес потери личного состава убитыми и ранеными. Пополнения не получали.

В санчасти скапливались раненые. Тяжелых по ночам отправляли в медсанбат дивизии на повозках или машинах.

Мы с Галиной занимались поварским делом. И всем, что ни заставляли.

Питание было хорошее, но все из сухих продуктов готовили. Крупа, картошка сушеная, сухари, был и хлеб, мясные и рыбные консервы, постное масло.

Каждому солдату давали каждый день по сто граммов водки в связи с очень тяжелыми условиями. Бомбили в день несколько раз. Приходилось менять место расположения. Сначала налетали «мессеры» или «фокке-вульфы». Зенитки наши не могли сбить их, потому что они были бронированными и летали на большой высоте, затем появлялись немецкие бомбардировщики по двадцать-тридцать раз и бомбили участок за участком. После их налета лес лежал, словно скошенная трава, — оставались пни и воронки от взрывов.

Нашей авиации было мало. Были и воздушные бои с немецкими «мессерами», но преимущество было на стороне противника.

В то время девчат в полку почти не было: в санроте четверо и мы с Галиной. И вот было получено распоряжение свыше, чтобы нас откомандировали в распоряжение дивизии. И так, я, Галя Волкова, Нина Иванова и Саша Корнеева были отправлены в тыл дивизии. Нас с отправкой на два дня задержали. И когда мы прибыли к месту назначения, было получено распоряжение вернуть нас обратно. Девушки, прибывшие из другого полка, тоже с опозданием были отправлены обратно в полк. А нас оставили пока здесь.

ПАХ **(полевая хлебопекарня)**

Мы находились вместе в тот день, рады, что встретились.

В больших палатках располагался склад продовольственной дивизии.

И вот летит черная стая бомбардировщиков и пикирует перед нами, свистят и воют бомбы. Девчата из другого полка побежали к складу, а мы остались на месте, лежали, прижавшись к земле.

Те девчата, что побежали, попали туда, где взрывались бомбы. И одна из них, Сара, погибла. Позднее я узнала, что в наш полк передали, что погибла я. И они уже хотели сообщить об этом моей маме. К счастью, не успели, узнав, что погибла совсем другая девушка.

Нину и Сашу взяли в типографию дивизионной газеты «В

бой за Родину», а меня и Галину направили в нашу дивизионную полевую хлебопекарню (ПАХ).

Располагалась пекарня в густом лесу. Это было подразделение полевой хлебопекарни, которое снабжало всю дивизию свежее испеченным хлебом. Разборные печи быстро устанавливались и разбирались.

Из начальства там были начальник ПАХа – комиссар, старшина и солдаты-пекари. Был у них и транспорт, все, что нужно.

Когда мы с Галиной прибыли в распоряжение ПАХа, нас определили в прачки – стирать белье солдат-пекарей.

За территорией ПАХа по берегу небольшой речушки проходила линия окопов, землянок, блиндажей. Видимо, когда-то это была линия фронта переднего края.

В одном большом блиндаже были сложены две печи, а сверху в них были вмонтированы два больших котла. В эти котлы мы натаскивали с речушки воду ведрами, собирали в лесу дрова, грели воду и на ночь замачивали белье, чтобы утром стирать. Никаких приспособлений не было, даже стиральной доски.

Утром снова грели воду в другом котле и начинали стирать вручную. А белье с пекарей было настолько грязным, в сажу, заскорузлое, в тесте, что достираться до белого было очень трудно, даже его кипячение не очень помогало.

Окопы, соединяющие блиндажи и землянки, были оплетены плетнем, и мы по этим окопам развешивали сушить белье, делали это ночью, так как днем нельзя было – всегда летали самолеты.

Вот мы, две девчонки, вдали от расположения должны были всегда находиться одни. Очень боялись ночами, спали в землянке. Были мы в подчинении непосредственно старшины Кандаурова. Он навещал нас. За едой ходили в так называемую пекарню. Она располагалась под открытым небом под натянутым брезентом.

Это был адский труд. Наши руки не выдерживали. Мы плакали, но несли этот непосильный труд прачек.

Солдаты-пекари пригласили нас на экскурсию. Когда мы приходили за едой, угощали свежее испеченными лепешками.

Солдаты-пекари сочувствовали нам. И вот один из них, жалеючи нас, видимо, был на гражданке мастеровым, сделал

нам стиральные доски. Из деревянных досок вырезал полоски-углубления, как у железной стиральной доски, и принес в нашу прачечную.

Мы очень обрадовались и благодарили его за это. Нам стало легче стирать, и окровавленные наши пальчики стали заживать.

Случалось, что ночью у нас воровали белье, которое сохло. В лесу располагались такие же воинские части, и у них так же, как у нас, не хватало чистого белья. Мы жаловались, что боимся ночами.

Потом, в конце уже, нам разрешили на ночь приходить ночевать в землянку, где был красный уголок. Там располагалась фельдшер ПАХа Леля Мухина, которая была, как и мы, в санроте 939-го стрелкового полка, после тяжелой контузии ее перевели сюда. И спали мы уже не на земле, а на медицинских носилках. Сентябрь подходил к концу, и ночи стали холодными, потому, видимо, и сжались над нами.

ПОЛИТОТДЕЛ

Положение на передовой становилось очень тяжелым, пополнение не поступало, и дивизия оказалась обескровленной, держать оборону не могла.

Противник, чувствуя это, стал еще сильнее сжимать кольцо. А потом и совсем окружил. И оставшиеся в живых командиры стали пробиваться из окружения по узкоколейной дороге и по болотам через немцев ночами.

До 30 сентября группами еще выходили полки из окружения.

Помню, как ночью в нашей землянке красного уголка появились люди. Стали расставлять медицинские носилки рядом с нашими, и несколько человек устроились на ночлег.

Потом мы узнали, что это работники политотдела вышли из окружения: начальник политотдела старший батальонный комиссар Предеин, его заместитель майор Несвит, помощник по комсомолу капитан Гаврицын, майор Никифоров, капитан Сергеев и другие. Председатель парткомиссии Трофимов и его технический секретарь Зайцев погибли.

Работники политотдела несколько дней находились там же, где мы стирали белье, — в землянках ночевали, а днем на воздухе работали с документами какими-то, о чем-то говорили.

Капитан Сергеев интересовался у меня, откуда я, спрашивал о моем образовании, когда была призвана. Потом заставил меня написать автобиографию. Я, конечно, не знала, зачем это. А им нужно было вместо погибших подобрать людей в политотдел.

Через несколько дней оставшихся после боев и вышедших из окружения, всего 161 человек, всю технику, что уцелела, стали направлять к железной дороге для отправления в тыл для нового формирования.

В начале октября дивизию отправили в тыл под Вологду. Выгрузились на станции Будогущ. Там был военный городок, где дивизия и расположилась.

Некоторое время дали отдохнуть, и стало поступать пополнение — начали заново формировать дивизию.

Наше подразделение ПАХа, личный состав поместили в большой казарме. Вдоль стены с одной стороны были сплошные нары, на которых подряд спали солдаты.

Нам с Галиной при входе отгородили досками уголок, даже дверь сделали в этой же казарме. Мы так же продолжали свою стирку в небольшой баньке.

Через некоторое время меня перевели в политотдел.

Вызвали меня на беседу и вскоре назначили техническим секретарем парткомиссии политотдела. Председателем был майор Никифоров. Это был мой начальник. И началась моя новая служба — очень ответственная, интересная, но не менее опасная. Каждый солдат имел автомат, винтовку или гранаты.

Офицеры — автомат, личный пистолет, противогаз и гранаты, когда шли на передовую. В трудных случаях выдавали бутылки с горючей смесью — при наступлении немецких танков для самообороны или при нападении.

Я быстро поняла свои обязанности, вела оформление протоколов по приему в члены партии, личных дел вступающих, разбор персональных дел. Всему меня обучили. И в этой должности я была до осени 1944 г.

ПОД СТАЛИНГРАД

Дивизия была сформирована в короткий срок и направлена снова на фронт под Сталинград.

Полки разместили в товарных вагонах-теплушках. Эшелон за эшелон отправлялись в путь. Кажется, в двенадцати эшелонах ехала дивизия. Начальник политотдела – бывший секретарь горкома с Урала – сказал, что я поеду с ним. Он меня взял под свою ответственность. У него еще были ординарец Леня, как и я, молоденький паренек, и коновод Вася. Остальные работники политотдела были распределены по всем полкам.

В нашем вагоне ехало начальство управления дивизии. Помню, председатель военного трибунала, прокурор, начальник особого отдела, и каждый со своей свитой. Вагон занят был полностью. Посреди вагона топилась буржуйка, на которой и готовили – разогревали консервы. Всю дорогу питались сухим пайком, кипятили чай.

В нашем эшелоне ехал 944-й полк. Во всем эшелоне ехало всего две женщины (как я сначала думала) – я и врач этого полка капитан Даневская Тамара Ильинична.

Она ехала в вагоне начальника эшелона, это был замком полка майор Бойко.

Мы познакомились, и она часто приглашала меня в свой вагон. Там ехали комбаты, комроты полка. И я со многими стала знакома из этого полка.

Так мы ехали все же долго. Иногда наш состав сутками стоял на станции.

Был такой случай. Однажды я находилась в вагоне у Тамары, и вдруг ее приглашает машинист паровоза к себе. Она уходит. Очень долго ее не было. А когда пришла, то сказала, что принимала роды у помощника машиниста (помощник машиниста – женщина). Родился мальчик. Это было на середине пути от Москвы до Сталинграда. Ну, конечно, был такой восторг, мы выпили за появление на свет будущего солдата. Вот так могли трудиться женщины в тяжелое военное время без всякого декретного отпуска.

Доехали до станции Лог, дальше уже железнодорожный путь был разрушен, и мы выгрузились и пошли своим ходом. Люди –

солдаты и вся техника. А расстояние до места назначения под Сталинград было пятьсот километров. Шли каждый день с раннего утра и до ночи. В пути делали остановки только для принятия пищи, походная еда готовилась во время движения. Все несли на себе оружие, пулеметы станковые, ПТР. А на повозках везли продовольствие, потому что такое количество солдат нужно каждый день кормить. Вот так вся дивизия двигалась к линии фронта под Сталинград.

Однажды случилось следующее. Когда утром готовились в путь, мы – пять человек, пошли раньше обоза вперед. Четыре мужчины, из них два офицера и я, рядовой солдат. Одежда была – фуфайка, ватные брюки, валенки, шапка-ушанка и меховые большие рукавицы. Для меня эта одежда была не по моему росту – все велико. Офицеры в полушубках. И вот идем мы час, второй. Уже нас должны были догнать. Оглянемся – их нет.

Идем, разговариваем, а погода была ветреная, метель, и на дальнейшее расстояние плохо было видно. Мужчины уже стали беспокоиться, где же наш обоз и солдаты? Метель немного стихла, и мы увидели, что очень далеко с правой стороны движется обоз и тянутся длинными колоннами солдаты. Оказывается, мы пошли не по той дороге. Что делать? Решили через поле выходить к той дороге, где двигались наши.

Снег, правда, был не глубокий, но все равно идти было очень трудно. Мужчины все спрашивали, не устала ли я. Конечно, я очень устала, но терпела, шла наравне с ними, и когда мы вышли на ту дорогу, где были наши, то намного оказались отставшими от своих.

Уже стемнело, когда мы дошли до села, где наша часть остановилась на ночлег. Село большое, и искать тех, кто нам нужен, бесполезно. Каждая хата до отказа была набита нашими военными.

Кое-как в одном домишке хозяйка нам нашла местечко в небольшом чуланчике, где мы могли расположиться на ночлег, но только сидя. Но все же не на улице. Еды у нас с собой никакой не было. Попив водички, мы так, сидя, не раздеваясь, продремали всю ночь. Чуть стало светать, двинулись в путь, чтобы найти своих, и догнали их уже за селом. Поняв, что мы голодные, наши до-

ставали из-за пазухи теплый хлеб. Усевшись в сани, мы завтракали, прихлебывая из фляжки чай. Все же была зима – декабрь. Вот так мы и двигались своим ходом до самой линии фронта.

Когда стали подходить туда, где проходили бои, увидели страшную картину. Кругом разбитые пушки, подбитые танки, машины и человеческие тела погибших наших и немцев, техника тоже немецкая и наша. Через такое кладбище мы шли не один день.

Через несколько дней погода изменилась – оттепель наступила, на дороге появились проталины, а мы шагаем в валенках целый день. И ничего, даже насморка не было. Вот организм выработал защитный иммунитет от всяких болезней.

Нас с ходу прямо в окопы, на отдых времени не было, так как была очень трудная обстановка.

Дивизия, которая занимала передовую линию фронта до нашего подхода, была обескровлена, частично окружена немцами. В окопах было сыро в связи с оттепелью, и наши солдаты, уставшие от такого длинного перехода, заняв окопы, засыпали, даже были случаи обморожения.

Через неделю подошла еще воинская часть, и нас сняли с передовой и отвели километров на десять в тыл, чтобы привести в порядок личный состав дивизии. И снова дивизия участвовала в боях, до полного освобождения Сталинграда, затем освобождали город Ворошиловград, ныне Луганск.

За Ворошиловградом освобождали города Артемовск, Константиновку, Папасную, Шахты, Запорожье. Сильные бои были за Никополем перед рекой Днепр. Зимой 1943 г. дивизия вела жестокие бои на этом рубеже.

Штаб дивизии располагался в селе Большая Белозерка (Великая Белозерка по-украински). Днем были бомбежки, а как наступила ночь, немцы начинали вести обстрел по селу из своих «фердинандов».

Я много работала по ночам, и вот разрываются снаряды рядом где-то. Дребезжат стекла окон, а у меня в сознании: «Этот снаряд не долетел, а этот перелетел, а этот в стороне разорвался». И ждешь эту летучую смертушку каждую минуту днем и ночью.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТОТДЕЛА

Работа моя в политотделе дивизии состояла в том, чтобы вести протоколы приема в члены партии солдат и командиров всей дивизии и оформлять личные дела, анкеты на каждого принимаемого в кандидаты и члены партии.

А принятых в члены партии в месяц было до 300—400 человек, да еще был разбор на парткомиссии персональных дел.

Все эти протоколы подписывались председателем парткомиссии и мной, секретарем, и отправлялись в Москву в ЦК.

Для вручения партийных билетов мы шли в полки: капитан Сергеев, младший сержант Малахов, фотограф Богатырев и я. Там снова писанина, где-то устраивались в землянке, хате, ленте — в лесопосадке, вызывали из окопов тех, кому выдавать партбилеты, снова заполняли все положенные три документа: из которых два отправлялись в Москву в ЦК, а партбилет выдавался на руки, в конце дня начальник политотдела подполковник Предеин приезжал и вручал воинам партбилеты.

Условий для всей этой писанины никаких. Расскажу про один день нашего похода в полк.

Собрав все личные дела, я укладываю их в балетку, чернила во флакончик.

Сергеев все укладывает в вещмешок, фотограф — фотоаппарат с треногой, и все остальное: проявитель, закрепитель, фотобумагу — в рюкзак, и мы идем. И вот летит «мессер», пикирует на нас, совсем над нами низко строчит из пулемета.

Мы падаем на землю, кругом ни кустика, ни травы, а только черная вспаханная земля. И мы как на ладони у него. Он несколько раз разворачивается, снова и снова стреляет, убедившись, что мы не двигаемся, улетает. К счастью, эти сотни выпущенных им пуль нас не задела, хотя падали рядом. Пришли, добрались до передовой проходившей за селом, за огородами села. Устроились в очень маленькой полуразрушенной хатке, к нам из окопов приходили солдаты по одному, по трое. Мы с ними работали. В соседней хатке фотограф, сфотографировав солдат для документов, лежа на полу, под плащ-палаткой проявлял фотографии.

И вдруг слышим гул самолетов, кто-то крикнул с улицы: «Бомбардировщики летят».

Все выбежали на улицу, а гул уже совсем близко.

Я свои документы уложила в балетку и тоже после всех выбежала на улицу, за хатку, там погреб без крыши – яма, все туда попрыгали, мне места нет.

Я вернулась обратно, уже свистели, были сброшенные бомбы, успев убрать все документы Сергеева, упала на пол.

Под простенком между окон маленькая лавочка, я под нее и прижалась к стенке. И уже рвутся бомбы рядом совсем, кругом. Все стало темным от вздыбленной земли и гари взрывов. Вся земля заходила, затряслась, оглушило взрывной волной и засыпало.

Впечатление было такое, что я убита, дышать нечем. Какой-то промежуток времени, и начало просветляться. Я даже боялась пошевелиться. Чувствую, что-то мокрое у меня на руке и лице, выползаю из-под лавки, а рядом со мной лежит солдат мертвый, и его кровью я вся обрызгана. Встала, шагнула к двери, а у порога второй солдат лежит убитый, вышла за порог, а в сенях против двери во двор тоже лежит солдат убитый.

Трое солдат, которые погибли рядом со мной, забежали в хату за мной следом, но не успели лечь на пол до взрывов бомб под окнами, и осколками были убиты. Если бы я в какие-то секунды не приземлилась и не прижалась к стене под лавочкой, то тоже лежала бы рядом с ними.

Я хорошо помнила науку старших, как нужно себя вести при бомбежке и сильном обстреле противника, где бы ты ни находился. Не нужно никуда бежать, а где тебя это застало, упасть, принять горизонтальное положение, прижаться к матушке-земле и ждать, что тебе будет – жизнь или смерть...

Самолеты улетели, люди вылезли из погреба, а тут начали взрываться снаряды в кузове рядом стоящей автомашины. Бомба рядом взорвалась и подожгла их. Нам пришлось с этого места уходить. Собрали все свои бумаги и пошли на другую сторону села. И там, придя в себя, закончили свои дела. До нас добрался наш начальник, и солдаты, на кого были оформлены документы, их получили.

Вот таким был этот день невезучим. На войне как на войне.

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Я с машинисткой Ниной работала в политотделе. Документы и солдатское имущество мы хранили в машине, которая стояла за огородами в камышах. Все работники политотдела находились в подразделениях на передовой.

Мы не обращали внимания, что над камышами летают немецкие самолеты. А они низко опустились и стали прочесывать пулеметными очередями эти камыши. Видимо, заметили, что там спрятаны машины.

И вот пули мимо нас, прямо в будке машины – вжик, вжик. Обстреляли нас немцы и улетели, а мы с Ниной невредимы остались. Опять опасность мимо нас прошла.

Спали мы в этих же камышах на земле. А на второй день часть офицеров вернулась с передовой.

Как-то раз я пошла обедать в столовую. И только дошла до улицы, вижу, что наши срывают антенну, бегают, укладывают ящики с документами в машину. Я подбегаю к ним, спрашиваю, что случилось. Они сказали, что обстрел по селу, на окраине немецкие танки прорвались.

Я бегом к своей машине и сообщаю эту новость офицерам. Быстро завели машину, а тут и другие машины тоже уже выезжают из камышей. Так мы успели отступить. Зрелище было ужасное. Будку машины насквозь пробивали пули, немцы бомбили камыши, догадываясь, что там может быть спрятана военная техника.

Но в этом селе были и другие воинские части, и наш учебный батальон. Все же немецкие танки задержали, отбили их. Ведь при штабе не было боевой техники. Оказывается, немцы прорвали нашу оборону в районе станции Межегет и мы все чуть не пострадали.

Это была повседневная действительность фронтовой жизни. Наступление, отступление, повседневные бои. Были передышки, как сообщалось в печати – бои местного значения.

Вскоре после этого мой начальник – председатель парткомиссии майор Самоделов отправился в 939-й стрелковый полк, меня с собой не взял.

Провел бюро по приему в партию. Полк наутро переезжал на другую позицию. Шла пехота, ехала техника – все было в свернутом порядке.

Когда они проходили между двух лесозащитных посадок по обе стороны дороги, по ним открыли огонь немцы, замаскированные в этих посадках.

Полку пришлось отступить и развернуться в боевое положение.

Были убитые и раненые, ранен был и мой начальник майор Самоделов.

Немцы всех наших раненых погрузили в машины и увезли в село, где находился их штаб.

Раненых поместили в колхозное скотное помещение на ночь и поставили охрану. Раненые, кто как мог, сделали за ночь подкоп под стеной и выползли.

Рядом за зданием росли камыши, и они там спрятались. Утром этот же полк отбил у немцев село, и кто был в камышах, остались живы.

Так случилось, что фашисты, прорвав оборону соседнего соединения с нашей дивизией, проникли в наши тылы. А полк наш шел без предварительной разведки и попал в немецкую засаду. Майора Самоделова сняли с должности, а по партийной линии объявили строгий выговор за то, что шли без разведки.

Вместо него перевели из противотанкового дивизиона замкомандира по политчасти майора Тарасова. Это был уже третий мой начальник.

МИННОЕ ПОЛЕ

Долгие продолжительные бои вели перед Северным Донцом, с февраля освобождали села Украины. Летом 1943 г. враг закрепился за рекой Северный Донец, держал ее до сентября.

Были бои местного значения, повседневные артиллерийские обстрелы и бомбежки.

Наш КП (командирский пункт) – штаб дивизии располагался в лесу перед Северным Донцом, за нами были села Капитаново

и Муратово. Из них были эвакуированы все жители, т. к. по этим селам немцы всегда вели артобстрелы и бомбежки.

В сосновом лесочке были землянки, в которых и располагался штаб, частично в палатках, и все подразделения при дивизии: разведроты, саперный батальон, рота связи, химвота.

В один из походов в полк для проведения бюро мы отправились вместе с товарищами, а обратно они отправили меня одну.

Идя обратно, я, видимо, немного зашла правее, чем нужно было. Меня не предупредили, что там минное поле. Вот на него-то я и зашла. И обнаружила его, когда уже на нем очутилась. Пройдя метров десять по нему, я поняла, что иду по полю смерти.

Я застыла на месте с поднятой ногой, как охотничья собака, когда увидела чуть присыпанные мины. Местность-то была песчаная. Мины, конечно, были хорошо засыпаны, когда их ставили, но со временем ветром песок сдуло и их кое-где оголило. От каждой мины натянут проводок к колышку, и если этот проводок заденешь, мина взорвется.

Как я могла столь метров пройти и не задеть ни один проводок и не наступить на мину, словно я на крыльях пролетела этот минный путь, до сих пор не знаю. Испугалась, стою и не знаю, что делать.

Осмотрелась, повернулась на одном месте и стала свои следы на песке различать, хорошо, что травка была редкой. И обратно стала шагать по своим следам след в след, шаг за шагом медленно вышла.

Села возле этого поля смерти, дальше ноги не шли. Успокоилась и только тогда добралась до своего КП.

ПОСЫЛКА

Иногда я представляла, как разведчики идут на задание. Ночами ползут в кромешной тьме за передний край своих окопов к немецким окопам, через минные поля под колючей проволокой пролазят, навстречу смертельному огню, если враг их вдруг обнаружит.

Часто я проходила мимо их подразделения разведроты, они, увидев меня, обязательно просили заглянуть к ним хоть на пару минут. Многих знала уже. Командир их роты Бондарев был учителем на гражданке.

А вечерами, если они не были заняты, пели песни лучше всякого хора. Будто и сейчас я слышу, как они пели «Калинку» — это чудо. Казалось, что и немцы ее слушали, потому что в это время не стреляли.

Вот тогда же нам для политотдела передали посылку от тружеников тыла. В войну на фронт приходили такие посылки, но не часто. Их распределяли по подразделениям, приурочивали к какому-либо случаю, вручали отличившимся в бою, в разведке.

Это сшитый матерчатый мешочек, куда складывались вещи: носки шерстяные, полотенца, носовые платочки, обвязанные нитками мулине, расшитые кисеты с махоркой, ну и сухие продукты — сухарики, сухофрукты. Кто что мог послать. В носки и кисеты те, кто их готовил, вкладывали письма для «лучшего бойца» и даже фотографии. И так девушки из далекого тыла заводили переписку с воинами-фронтовиками. Солдаты отвечали на письмо, вкладывали в него свою фотографию и подписывали «Лучшей стахановке». Иногда складывались семьи.

И что нам с этой посылкой делать? Она для молодых солдат больше нужна. У нас же в отделе были все в возрасте. Решили кому-то передать.

А в прошедшую ночь наши разведчики ходили в разведку за языком, как мы выяснили. И мы решили посылку вручить им.

Пошли капитан Ягодов, старший лейтенант Орлов, наш политинформатор и я. Они нас встретили радостно, мы расспрашивали, как разведка прошла. Они рассказывали с шутками, как будто о чем-то простом, обычном.

Один из них, старшина Попов, такой мощный на вид и с перевязанной рукой. Спросили, почему? А он объяснил, что когда немца в окопе схватили, чтобы тот не закричал, он зажал ему рот рукой. А он, гад, ему чуть палец не откусил. Языка они приволокли, и день были на отдыхе в своей роте.

Посылку мы им передали, там было и письмо от девчат.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА

В начале сентября 1943 г. дивизия наша и другие, прорвав оборону противника, форсировав реку Северный Донец, пошли в наступление. Освобождали села и города Артемовск, Папасная, Константиновку и другие.

Повседневные тяжелые бои велись вплоть до реки Днепр. Перед Днепром освободили большое село Большая Белозерка, где всю зиму 1943/44 года шли бои. А до этого за какой-то рубеж шли жестокие бои. По несколько часов шла стрельба из всех видов артиллерии нашей, и самолеты бомбили и обстреливали немецкие позиции. Был такой грохот, вой, что рядом говорящего человека не было слышно, а на переднем крае на большую высоту поднималось темное облако от земли от всех взрывов и гари.

Штаб располагался в небольшом селе в укрытиях. Я работала в погребе при освещении лампой-коптилкой, сделанной из гильзы снаряда.

Начальник политотдела провел беседу с офицерами, чтобы они шли во все полки, как стихнет немного канонада обстрела. Как сейчас помню, как мой начальник майор Тарасов вылезал из погреба по лестнице и помахал нам рукой, а мы ему и другим. А наверху по-прежнему гремела канонада.

Через час нам позвонили из полка с передовой, что Тарасов и Ягодов попали под обстрел вражеских шестиствольных минометов и майор Тарасов погиб.

К вечеру его привезли всего изрешеченного осколками от снарядов.

Наутро мы с нашей машинисткой Ниной, ну и с помощью мужчин хотели его переодеть, обмыть, но это сделать было невозможно. Части его тела держались в обмундировании, как в окровавленном мешке, вот так он был весь изрешечен.

Обмыли ему лицо, голову, руки и ноги, надели чистые носки, проливая свои слезы над ним, вот и сейчас я пишу, а у меня льются слезы из глаз, словно я в этой хатке с Ниной возле него.

Это был замечательный человек, по годам мне и Нине как отец. У него было четверо детей, которые теперь остались сиротами.

В нашу дивизию он прибыл после тяжелого ранения из госпиталя, ранен был в голову. Пуля прошла где-то возле уха и вышла через челюсть с другой стороны. И на щеке у него была ямка с наперсток.

Во второй половине дня, это уже было на второй день, мы его схоронили в этом селе в палисаднике последнего дома.

Где-то все же нашли доски, сделали гроб и памятник, и был салют прощальный из винтовок и автоматов.

И снова у меня появился новый начальник – председатель парткомиссии майор Еремин – уже не молодой, как и Тарасов.

Работники политотдела на гражданке были работниками райкомов и горкомов. Они ко мне относились как к дочке, жалели и оберегали меня.

И вот новый рубеж – передовая перед рекой Днепр на никопольском направлении и всю зиму битва на одном месте. То наступали, то отступали.

За день боя в окопах почти не оставалось солдат, окопы засыпало от вражьих обстрелов. За ночь со всех тылов дивизии, где только было можно, снимали солдат и офицеров и направляли на передовую, отрывали окопы, чтобы днем вести бои. Иногда присылали и пополнение, но его хватало ненадолго. Мясорубка была жестокой.

Здесь также погибло два наших офицера – старший лейтенант Сугаков и лейтенант Кушнарев. Ушли на передовую в полк и погибли.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

Я была на передовой в окопах, и с правой стороны перед окопами увидела погибших солдат в невысоком осиннике, лежащих в белых маскхалатах. Произошло это между нашими окопами и немецкими.

Снега уже на земле не было, растаял, а под погибшими солдатами лежал.

Они лежали как живые, как будто бы все еще ползут и только на мгновение застыли.

И только спустя десятки лет, когда я была на Украине в г. Артемовске, расспросила у разведчика офицера Корсукова Н. А., проживающего в городе Волгограде, о том случае, что видела на передовой.

И он мне подробно рассказал о том, как наши разведчики шли за языком в немецкие траншеи-окопы и погибли.

Немцы перед отступлением уничтожали все свои запасы снарядов, бензин, машины, все склады, чтобы не достались нам трофеи. Зима в то время была ужасная: то дождь, то снег, который таял тут же, и все превращалось в ручьи и лужи. Дороги были непроходимыми для машин, только на лошадях можно было проехать.

Прорвав оборону противника, форсировав реку Днепр, наша дивизия без остановки погнала фашистов. А они же привыкли к хорошим условиям, на технике. А тут стали драпать, и техника их осталась вся на этом рубеже, застряв в грязи непролазной.

Куда ни глянет глаз, на несколько километров вширь и вдаль – везде стояли машины, пушки, мотоциклы, подбитые танки, а которые были на ходу – укатили. Это было зрелище, как под Сталинградом поле битвы.

Мы тоже шли пешком, все транспортировали на лошадях. Мне с мужчинами наравне пришлось днями находиться в седле верхом на лошади или идти пешком.

Мне эти дни страшно вспоминать. Я еще приболела, с температурой, без всякого отдыха, порой без пищи. А ночью негде было даже найти ночлег. Еще было очень холодно, уцелевшие хаты всегда были переполнены солдатами.

И вот один такой переход остался в памяти незабвенно.

Весь день ехала верхом на лошади с оперативной группой штаба. К назначенному месту мы приехали уже ночью. Было со-

вершенно темно. Куда ни зайдем, везде в хатах, хотя и холодных, полуразрушенных, отдыхают военные.

И все же в одной маленькой хатке я смогла присесть у порога на пол, идти дальше просто не было никаких сил.

В этой хатке все спали кто сидя, кто как.

У одной из стенок стояла железная кровать без матраса. На ней спали два офицера, а рядом, на полу, видимо, отдыхали их солдаты. Все были одеты и обуты, но все же хоть как-то защищены от ветра и холода.

Вот и я присела рядом с ними. Какая у меня была зависть, что двое спят лежа, вытянув ноги в своих грязнущих сапожищах. И так всю ночь.

И только перед рассветом, уже стало светать чуть, эти офицеры встали и ушли. И никто не занял их место. Тогда я, имевшая преимущество перед мужчинами, заняла место на этой кровати и была счастлива оттого, что немного отдохнула, вытянув уставшие свои ноженьки. А утром опять двинулись в путь по непролазной грязи.

В БЕЛЯЕВКЕ

Дивизия продолжала вести жестокие бои, освобождала город Запорожье и к весне, освободив село Беляевку, вышла к реке Днепр. Перед ним на огромной территории находились плавни вплоть до города Одессы. Вот в этих плавнях и была передовая линия дивизии.

Беляевка — большое село, сейчас оно стало городом, располагалось вдоль берега этих плавней. Это село почти не пострадало от войны — не было разрушено. В нем и располагались наш медсанбат и штаб дивизии.

Дивизия остановилась на месте, заняв оборону. Стали приводить себя в порядок. Баня, нормальное питание, стирка обмундирования.

Прошло несколько дней, хозяйка делает капитальную уборку в доме, во дворе, все подметено и посыпано песочком. Она стирает белье на улице и предлагает мне. Я с радостью тоже все

постирала и развешала во дворе. Назавтра большой праздник – Троица. Дел уйма – не в землянке, а за столом перед раскрытым окном сию работаю – пишу.

И вот что-то мне стало так беспокойно, не могу больше работать. Вышла во двор, хозяйка все трудится, часовой солдат сидит на крылечке. Я ему сказала, что пойду схожу в оперативный отдел через два дома к машинистке Соне.

Вышла в калитку через огород и по берегу по тропе пошла. В следующем за нашим доме размещался пункт сбора донесений. Это связные от всех подразделений дивизии, молодые ребята, и у них у всех верховые лошади для быстрой связи. Проходя мимо по их двору, вижу: шесть лошадей привязанные кормятся. На земле лежит панцирная сетка от кровати, и на ней спит один из связных. Только я прошла их двор, как услышала гул самолетов, которые показались в небе с вражеской стороны. Я побежала к оперативному отделу, когда добежала до их дома, самолеты уже начали делать разворот над селом для бомбежки.

Я забежала к ним и крикнула, что немецкие самолеты пикируют. А они все, кто был в доме, ринулись на улицу и попрыгали в окоп во дворе. Я за ними, но окоп уже был полон, я побежала обратно в дом. Навстречу мне Соня. Я сказала, что нам уже в траншее места нет. Что делать? А бомбы уже с воем летят на землю. Тогда мы с ней заползли под кровать с панцирной сеткой. Все заходило ходуном от взрывов бомб, стало темно и душно. Рядом взрывались сброшенные бомбы.

Потом еще раз самолеты заходили и сбрасывали смертоносные бомбы.

Когда все стихло, люди возвратились в дом со словами: «А где же девчата?» А мы в это время выползали из-под кровати. Они хохот подняли над нами, нашли, мол, где спрятаться.

А кровать с панцирной сеткой тоже может спасти. Мне не раз так приходилось спасаться – на войне как на войне, чего только не случается.

Когда я обратно возвращалась в свой дом, то лошади, те, что кормились, были перебиты и солдат, что спал на сетке, тоже был убит. Из ранки на голове текла кровь. А боец-то он был мощный, рослый, а принял смерть сонный.

Когда появлялись самолеты, жители и дети выбегали на улицу посмотреть, и многие из них погибли. Было ужасно смотреть, когда гибли гражданские люди.

Во дворе нашего дома упала бомба, разбила окна и двери, мои бумаги разлетелись по двору. Все белье наше было изрешечено осколками. наших хозяек часовой успел втолкнуть в подвал. А в стойке были наши лошади – одна погибла, а одну, на которой я иногда ездила, ранило, пришлось ее пристрелить, чтобы не мучилась.

И все это произошло за несколько минут. Если бы я не ушла из дома, то могло бы случиться худшее. Предчувствие меня спасло и на сей раз.

КУРСЫ МЛАДШИХ ЛЕЙТЕНАНТОВ

Вскоре я была направлена на курсы младших лейтенантов при 46-й армии, так как я занимала офицерскую должность, а было у меня звание старшего сержанта.

Эти курсы были далеко от передовой. Не слышны были артобстрелы, пулеметная трескотня, и не бомбили. Село большое, жителей не было. Там жили русские немцы, а куда их переселили – не знаю. Жили курсанты в палатках. Меня же поселили с двумя вольнонаемными девушками, работницами столовой, в доме.

Занималась вместе с бойцами – молодыми парнями наравне, с раннего утра и до вечера, т. к. курсы ускоренной подготовки – все ученье давалось хорошо, но строевая и тактические занятия были трудноваты для меня.

Все занятия, классные и тактические, проводились на улице под палящим солнцем, иногда и под дождем, но было интересно. Изучали боевое оружие, пулеметы всех видов и прочее. Успеваемость у меня была лучше, чем у парней, я к учебе относилась серьезно.

Ночами часто поднимали по тревоге на какие-то учения, мне разрешали в этом не участвовать.

В этом же селе располагались большие фронтовые госпитали. Я с девочками, с которыми жила, в сопровождении их на-

чальника ходила в госпиталь на танцы несколько раз. Вечерами у них играл оркестр и была танцплощадка. Совсем как на гражданке. Это была маленькая отдушина от долгих дней войны.

На этих курсах проходили учебу шесть Героев Советского Союза. Они жили отдельно от остальных курсантов, питались в офицерской столовой.

Время уже шло к осени, и линия фронта, долгое время занимавшая рубежи по реке Днепр, начала меняться. Началось наступление наших войск. Враг не хотел отступать, оказывая жестокое сопротивление.

Курсы наши передислоцировались близко к передовой, и в одно время даже занимали боевые позиции в составе нашей 40-й гвардейской стрелковой дивизии. Потом дивизия стала продвигаться вперед, и мы, часть курсантов, так и остались в этой дивизии, в том числе и я.

Курсанты стали командирами взводов. Меня определили в штаб дивизии, в четвертый отдел – строевой. Я стала осваивать печать на пишущей машинке, ведение документации данного отдела, который вел учет поступающего личного состава – солдат и офицеров в дивизию, а также выбытие из нее по ранению и погибших.

О СИБИРЯКАХ

На фронт прибывали целые дивизии сибиряков. Их готовили здесь на месте – обучали, формировали подразделения, полки, и уже в бой они вступали в самых трудных ситуациях.

Только благодаря их мужеству и отваге были одержаны победы и удержаны фронтовые рубежи под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Курско-Орловской дуге и других участках.

По боевым действиям немцы узнавали сибирские части, не выдерживали их натиска и смелости и очень их боялись.

Также очень боялись партизан, потому жестоко расправлялись с населением в Белоруссии, да и везде. Отступая, они подрывали каждую хату или поджигали крыши (на Украине они были соломенными). А скот, который не успевали угнать, расстреливали целыми табунами в поле, там, где он пасся.

В последний год своего отступления фашисты изобрели чудовищную машину уничтожения железнодорожных линий. Эта машина проходила по железной дороге, резала шпалы, вырывала их. Стыки рельсов были взорваны.

Телефонные и электрические столбы вдоль железной дороги были все спилены, как деревья, и вместе с проводами лежали на земле. На это было жутко смотреть.

На своем боевом пути наша дивизия освободила не один десяток концлагерей смерти, о чем даже рассказывать страшно.

Разве можно фашистов назвать людьми? История на своем веку знает много войн, но любая война заключается в битве вооруженных солдат с двух сторон, но не в жестоких расправах над мирным населением, не в уничтожении всего на своем пути. Вот за это сибиряки мстили и гнали фашистов не останавливаясь — до Победы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БРАТСКИХ СТРАН

Сороковая гвардейская Енакиевско-Дунайская ордена Суворова краснознаменная стрелковая дивизия и бывшая моя 259-я Артемовская стрелковая дивизия, начиная от Сталинграда, вели бои рядом друг с другом — соседи по линии фронта. Они входили в состав 32-го стрелкового корпуса.

Государственную границу я переходила уже с 40-й стрелковой дивизией и в ней прослужила чуть больше года до конца службы — до демобилизации. Высшее командование всегда направляло в трудные места линии фронта именно 40-ю для прорыва немецкой линии фронта. Когда она свою задачу выполняла, неся конечно, большие потери, ее отводили, частично пополняли личным составом и снова готовили для взятия нового плацдарма.

Мы четыре раза с жестокими боями форсировали реку Дунай.

Освобождали от фашистов братские страны: Болгарию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а потом брали с жестокими боями Венгрию и Австрию, города Будапешт и Вену.

Первые дни за границей. Румыния капитулировала, и мы проходили без боев по ее территории, но ожидать можно было всего.

Как-то раз женщина, подойдя ко мне, сняла с моей головы берет и стала обшаривать мою голову руками. Когда ее стали спрашивать, что она ищет, она сказала, что им немцы говорили, что русские с рогами. Вот эти рога она и искала.

При освобождении Болгарии встречало нас местное население освобожденных сел и деревень с хлебом и солью, радовались.

Самыми незабываемыми днями были те, когда освобождали Югославию. Когда стихал бой, люди выходили из укрытий и встречали наших солдат с приветствием: «Живио Броз Тито и Сталин!» Вот с такими громкими приветствиями встречали, приглашали к себе, угощали прямо на улице.

Однажды проезжали через одно село, по обе стороны дороги стояли жители. Я ехала на телеге-повозке. И вот одна югославка взбирается ко мне и обматывает меня тонкотканым холстом в несколько метров. Обнимает, целует со слезами от радости.

В другом селе одна женщина обвязала меня через плечо красивым расшитым рушником.

Подарки их я хотела сохранить или отправить посылкой домой. Для нас это было дорогой памятью, но позднее, когда мы были уже в Венгрии, разорвался снаряд, и повозка, ехавшая через речной канал по мосту, упала в этот канал, а на повозке были наши вещи – вещмешки солдатские, где были и мои вещи и подарки. Лошадей спасли, а все утонуло, и я осталась даже без смены белья.

Население Венгрии и Австрии встречало наши войска враждебно, конечно, не все. Но, убедившись, что мы к мирному населению относимся дружелюбно, начинали с нами общаться, и боязнь у них проходила.

Были и такие случаи, когда нашим войскам приходилось отступать, так как мирные жители добивали наших раненых во временных госпиталях. Это было под Будапештом. Но в основном мирные жители в войну не вступали.

ИНСЦЕНИРОВКА

На войне как на войне – нужно быть бдительным и предельно внимательным.

Осень 1944 г., все как обычно, наш командир дивизии полковник Бранзбург находился не на передовой, а при штабе дивизии. Получил сообщение по радиации о взятии населенного пункта и продвижении полков вперед. Штаб готовился к переезду ближе к переднему краю.

День был солнечный и теплый, пополудни мы выехали. Расстояние небольшое. Мы направлялись в освобожденное село Бачелмаш, на пути встретили подразделение нашего учебного батальона – они какой-то ремонт у пушки делали. Село это пересекалось крестообразной асфальтированной дорогой.

Комендантский взвод разместил все отделы штаба дивизии по домам. И вдруг увидели – с правой стороны по дороге, которая шла через село, где мы находились, движется какая-то воинская колонна. Выяснили, что идет моторизованная воинская часть немцев. Танки, пушки, пехота на бронемашинах.

Комдив всем, кто въехал и вошел в село, дает команду занять оборону. Перед въездом в него, за огородами, инсценировать движение по селу, чтобы немцы заметили движение и подумали, что село нашими занято.

Вскоре подошел учебный батальон, у них были пушки. Быстро развернулись в боевые позиции подразделение комендантского взвода и все мы, штабные работники. Пушки открыли огонь по приближающимся фашистам, и они остановились. Они тоже развернулись в боевое построение вдоль села и начали вести обстрел по нам.

Расстояние между немцами и нами было очень небольшое, такое, что можно было разглядеть их лица.

Связи между нашими передовыми войсками в этот промежуток времени не было, и на помощь к нам подойти было некому. Безвыходное положение.

Мы попрощались друг с другом, больше ничего не оставалось. События разворачивались очень быстро, могло произойти все что угодно. Видим, как немцы делают выстрелы из артил-

лерии и танков, и тут же мгновенно эти снаряды разрываются у нас. Мирные жители попрятались в укрытия.

И так этот бой шел до конца дня, потом, все же получив сообщение по радиации о нашем положении, полк прислал поддержку.

Мы выстояли только потому, что немцы не знали, что в селе Бачелмаш нет наших войск, а только часть — штаб наш и учебный батальон.

Немцы шли без разведки, и, видимо, это и спасло нас.

Вот такие бывали случаи. В селе были очень важные документы.

СЛУЧАЙ В ВЕНГРИИ

В одно из сел въезжает штаб дивизии.

Дело было уже к вечеру. Мы остановились в центре села. Выходим, с машин прыгаем, и вдруг по нам обстрел! Рвутся мины и снаряды. Мы залегли в кюветах вдоль дороги. Слышим команду: «Развернуться машинам! Всем в машины и обратно из села».

Мы выехали из села, в лесок заехали, укрылись. Командование совещается, что делать? Непонятная ситуация, где немцы? Кто нас обстрелял?

Начальник политотдела подполковник Черенков подбирает себе команду: сам, начконтрразведки, начоперативного отдела майора Алябина и еще кого-то — и, когда стало темнеть, повел в разведку.

По пролескам за селом, где ползком, где перебежками, они приближаются к наступающему на село подразделению и обнаруживают, что это наш полк подходит к нему.

Подполковник Черенков что есть силы кричит, чтобы не стреляли по своим. Их услышали и мирно встретили.

В то время, когда мы въезжали в село, разведка нашего полка приняла нас за немцев. Мы в то время уже советских машин не имели, они все давно вышли из строя, а передвигались на трофейном транспорте, потому разведка полка приняла нас за немцев.

ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ

В небольшом городке Мишке стоял наш штаб, а за ним наши полки занимали боевые позиции вдоль Дуная. А на той стороне – немцы.

И вот на нашем участке линии фронта высшее командование штаба армии решило прорвать оборону противника, форсировав реку Дунай. В то время он был километровой ширины при разливе.

Вышестоящее командование корпуса, армии вместе с нашим изучали местность, где и как лучше начать наступление. В высоких камышах вели наблюдение.

Саперы строили плоты из бревен, собирали у населения лодки рыбацкие и все, на чем можно плыть через реку.

В этом городке дивизия и отпраздновала День артиллерии перед самым наступлением. В городском ресторане его повара и обслуга приготовили хороший стол. Комдив пригласил офицеров со всех подразделений дивизии. Из медсанбата и санроты были приглашены и девчата.

За столом комдив поднял первую стопку, чтобы поздравить всех с праздником бога войны – артиллерии, неожиданно потух свет. Артиллеристы зажгли пороховые ленты и держат в руках. Ленты, потрескивая, горели, и вдруг несколько раз раздались оглушительные залпы выстрелов из орудий за стенами ресторана. И полетели те снаряды в сторону врага, по пристрелянным целям.

Потом включили свет. Все собравшиеся находились в непонятном восторге, и только через какое-то время пришли в себя.

Такой фейерверк был придуман нашими артиллеристами, как будто мы не на фронте. Играла музыка, поднимали тосты, звучали поздравления артиллеристов. Потом, встав, наш комдив сказал: «Милые наши девочки, я хочу вас лично угостить. Берите свои тарелочки и подходите ко мне».

На столах стояли красиво оформленные, как живые, фазаны. Он снял с них крылья, все одеяние из перьев, а там порции фазаньего мяса. Он нам положил угощение на тарелочки. Всех

угостил собственноручно со своего переднего стола, где восседало главное наше командование.

Пели, танцевали, и все были счастливы в эти секунды.

НАСТУПЛЕНИЕ С БЕРЕГА ДУНАЯ

Началось наступление с нашего берега Дуная.

Ночью батальон самого отважного в полку комбата (сейчас уже не вспомню, какой он национальности) под покровом ночи на лодках поплыл через реку к берегу противника, высадился и с боем занял небольшой клочок земли. Пытаясь удержать занятый плацдарм, вел жестокий бой.

Лодки с подкреплением плыли и плыли к тому берегу. Занятый клочок, как символ жизни, удерживался в отважных руках, и на том берегу, и уже на нашем все сильнее и сильнее разгорался бой.

Противник пускал в ход все виды обстрела, освещая ракетами небо, но подавить нашей силы не мог.

Занятый плацдарм был удержан и расширился. На плотках были переправлены и пушки, но не все доплыло до того берега: гибли солдаты и орудия тонули, но вражьи силы не могли остановить нашего наступления.

Мужественно работали саперы.

Я запомнила на всю жизнь даже фамилию одного сапера – Курочкин, переплывавшего на лодке солдат. Раненый несколько раз, он совершил четырнадцать переправ по этой широкой реке, пока его руки могли держать весла и пока его недвижимого, но живого не сняли с лодки.

Я тогда печатала на машинке представления к наградам бойцов и командиров на наградных листах.

Комбата и Курочкина представили к высшей награде – званию «Героя Советского Союза». И они это звание получили. А сколько всего наших парней и девчонок было представлено к наградам, орденам и медалям – не сосчитать.

Хочу несколько слов сказать об этом комбате. Этот человек был как бы заговорен от пуль.

Во время наступления его батальона он шел всегда впереди. Вот его команда: «Мой батальон, вперед за мной!» И его солдаты в огонь и в воду шли за ним. Как его любили солдаты и вышестоящие командиры! Как жаль, что я уже не могу вспомнить его фамилию.

За взятие Вены его вторично представили к званию Героя. А до Вены командование направило его в Москву в военную академию им. Фрунзе с той целью, чтобы сохранить ему жизнь, ведь он всю войну был на фронте. Но, пробыв в академии несколько дней, он снова вернулся в дивизию, заявив, что не может сидеть в тылу, когда идет война.

Так и закончил войну до последнего дня на переднем крае, встретив День Победы со своими солдатами.

Когда я была на встрече однополчан под Сталинградом, спрашивала о нем. Мне сказали, что он жив, живет у себя на родине и приезжал на встречу раньше.

БОИ ЗА ГОРОД СЕКЕШФЕХЕРВАР

Очень сильные бои дивизия вела за город Секешфехервар и озеро Балатон. Наш штаб размещался в погребах и подвалах на виноградных полях. Местность ровная, укрыться негде. Линия фронта несколько раз переходила то к нам, то к немцам. Зимой 1944 г. за этот пригород военно-промышленного центра трое суток шли непрерывно жестокие бои, были большие потери с обеих сторон. Немцами на этом участке были построены мощные прочные укрепления, самолеты бомбили и обстреливали без конца. Казалось, что этот смертельный ад никогда не кончится.

И вот наша дивизия, форсировав Дунай, вместе с другими частями огибая г. Будапешт, продвигается с боями дальше. Будапешт уже у нас позади, оказался в полном окружении наших войск.

Были случаи, когда группы немцев, прорвавшись через линию фронта, пытались добраться до своих, оказавшись сзади нас — в нашем тылу. И все же наши заградотряды их обнаружи-

вали и задерживали. Там, в Будапеште, воевали власовцы – русские. Мы даже слышали по радио выступление самого Власова.

Ночами слышался гул немецких транспортных самолетов, которые доставляли продукты и боеприпасы в Будапешт своему окруженному войску и на парашютах сбрасывали. Иногда они ошибались, и груз сбрасывался на нашей территории.

Наш штаб в то время находился вместе с передовой линией в землянках и окопах в горах, т. к. было очень опасно. Прорвавшиеся из Будапешта немцы ночами нападали с тыла.

13 февраля 1944 г. город был взят. Немцев разбили. И наши войска стали продвигаться дальше к Австрии.

КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ

Продвижения с жестокими боями были все труднее. Чувствуя безысходность, немцы пускали в бой всю свою бронетехнику. И нашим войскам нелегко было в тот переломный период. Чувствуя свой крах, немцы все же пытались держать свои рубежи. И вот наша дивизия, форсировав еще две реки, ведет бои за взятие огромного красивого города Вены.

Бои шли за кварталы, дома, улицы. Уже стояли весенние дни, а город был как в утреннем тумане от взрывов мин, снарядов и бомбежек.

Жители в этот период голодали. Мы подкармливали жителей, давали хлеб, крупы, все, чем сами питались. Они благодарили нас за помощь.

13 апреля Вена была взята нашими войсками. Чувствовалось, что война подходит к концу, но каждый день все равно гибли наши солдаты, хотя командование пыталось вести бои с малыми потерями. Последний большой населенный пункт, который был взят, – Санкт-Пельтен.

8 мая Германия подписала документ о капитуляции. 9 мая – День Победы.

В последние дни дивизия занимала оборону вдоль Дуная, а по ту сторону реки были американцы. Встреча с союзниками была в городе Лину.

В Австрии находился огромный немецкий концентрационный лагерь «Дохау» – лагерь смерти.

Этот лагерь был построен Гитлером еще в 1933 г. для своих политических заключенных, для содержания не угодных ему людей, а в 1945-м там уже содержалось до 250 тысяч человек.

Этот лагерь смерти я видела своими глазами. Что я там видела, не дай бог никому и никогда видеть даже во сне. Нашей дивизии пришлось из него эвакуировать узников. Там находились заключенные – пленные всех стран Европы, и наши военнопленные, и мирные жители оккупированной немцами территории.

* * *

В октябре 1945 г. началась демобилизация.

Делали запись в красноармейской книжке о демобилизации и направляли домой, а на местах в горвоенкоматах снимали демобилизованных с воинского учета или зачисляли в запас.

Воинское звание мое – гвардии старшина административной службы.

Моя специальность не подлежала воинскому учету.

О МУЖЕ

Мой муж, Шуликов Василий Захарович, 1915 г. р., до войны работал на шахте имени Ярославского. Мобилизован Ленинским ГВК и отправлен на фронт 15 июля 1941 г.

Служил в арtpолку санинструктором, в стрелковом полку – тоже санинструктором. В августе 1943 г. был тяжело ранен в грудную клетку и каким-то чудом выжил. Разрывная пуля раздробила спереди два ребра, сзади – правую лопатку и оставила осколок в легких, с которым он прожил всю жизнь. Находился в госпитале, потом снова был отправлен на фронт. Служил в отдельном огнеметном батальоне санинструктором.

Закончил войну в Пруссии, встретил День Победы тоже в Пруссии. Когда возвращались оттуда со своей частью на авто-

машинах на Родину, машина подорвалась на противотанковой мине. На машине их ехало шестеро. Шофер и командир – в кабине, а четыре человека в кузове. Кроме мужа все погибли, а его тяжело контузило, и он долго был в госпитале. Домой его отправили с сопровождающим, т. к. он не мог говорить и не слышал.

Постепенно вернулась к нему речь – уже дома, а глухим остался на всю жизнь и стал инвалидом войны второй группы. Был он еще ранен легко в руку, выздоравливал при медсанбате в своей части.

Периодически, особенно в последние годы, такие возникали нестерпимые боли от резких движений, что никакие лекарства эту боль снять не могли. Она резко возникала и так же вдруг проходила. Вот так этот кусочек металла не давал забыть о себе, живя в легком.

У меня написано стихотворение о его ранении, по его рассказу. Да и я сама видела, как в полуметре от меня был ранен солдат, молодой паренек, как и он, в грудь. Когда его раздели (это было зимой), разорвали гимнастерку, то увидели страшную картину: при вздохе кровь пузырилась из раны и изо рта. Хорошо, что быстро ему оказали помощь – он из управления дивизии. Потом мы узнали, что он выжил.

Я как сейчас вижу, как он лежит на снегу, распластавши руки, безжизненный, бледный.

Как реликвия жизни, до сих пор хранится записная книжка Василия Захаровича – мужа, залитая кровью. Он всегда носил ее с собой в гимнастерке. Так разве мы можем забыть и не помнить те ужасы, всегда идущую за нами смерть, разве можем?!

Вот так мы прожили жизнь, которая досталась нам – троим из ста.

Мы с мужем никогда ничего не просили от государственных учреждений для себя, потому что нам досталась самая большая награда, пройдя сквозь ад войны, – жизнь! Все делали своими руками, своим горбом, чтобы жить и растить детей.

Награда эта выше всех наград и званий.

Василий Захарович был награжден орденами Красной Звез-

ды, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Кенигсберга», «За Победу над Германией...», «Ветеран труда» и юбилейными.

Первое время, вернувшись с фронта после Победы инвалидом второй группы, на работу Василий Захарович не мог устроиться. Художественный дар у него был с детства, а с годами он его развил и стал художником-самоучкой.

В 1953 г. он все же устроился на работу в строительное управление № 3 треста «Ленинуголь». Числился маляром, а работал художником-оформителем. Освоил специальность лепщика и при строительстве дворца им. Ленина, им. Ярославского, Дворца Пионеров, клуба «Строитель» и шахты им. Кирова – вместе с А. П. Елкиным, выполнял лепные работы.

Находясь на пенсии, Василий Захарович работал в художественной мастерской в парке им. Горького художником-оформителем.

Ушел из жизни 17 февраля 1989 г.

НАШИ ДЕТИ

Мы не имели благоустроенной квартиры. В 1958 г. построили дом. Вырастили четверых детей. Дали им образование, как бы это ни было трудно. Даже вырастили четырехлетнюю сиротку, дочку моей умершей сестры. Вырастили, как свою дочь, не отдав ее в чужие руки детдома. А двоих детей взяли моя сестра с мужем. И на все нужна была сила воли и великий труд человеческий, доброта сердца и любовь.

Все наши дети выросли хорошими, добрыми, трудолюбивыми и любящими нас, родителей.

Сын Шуликов Анатолий – служил в органах нашего города – ушел на пенсию в чине подполковника, дочь Лена – врач-гинеколог, Надежда работала медсестрой в первой поликлинике, сейчас на пенсии, инвалид второй группы.

Тамара – наша воспитанница, живет в городе Новосибирске, после окончания строительного техникума осталась там, в строительной организации, по распределению.

О МОЕЙ РАБОТЕ В СОВЕТЕ ВЕТЕРАНОВ

Хочется сказать несколько слов о том, что спустя несколько лет после окончания войны мы стали искать своих сослуживцев, разъехавшихся по всей стране. Какая-то великая тяга, воспоминания о кровавых дорогах длинного фронтового пути не давали покоя.

И вот началось с малого. Мы, женщины, стали в письмах объединяться. У каждой были свои однополчане, с которыми имелась переписка. И через письма договорились где-нибудь встретиться.

Выбрали сначала Москву. В 1981 г. группа женщин-однополчан, в основном медики, встретились. И так год за годом, присоединялись и мужчины. И в одной из встреч избрали совет ветеранов нашей 259-й стрелковой дивизии.

Председателем избрали Ребрину Павла Степановича – капитана запаса, бывшего замкомандира по строевой отдельного противотанкового батальона дивизии, и секретарем, медсестру полка Лидию Дмитриевну. Членов совета пять человек.

Совет рассылал письма в города с обращением в городские газеты, чтобы откликнулись однополчане. Было найдено более пяти тысяч однополчан.

Совет связывался с руководством сел и городов, освобожденных нашей дивизией. И к датам их освобождения нас стали приглашать на встречи. Этот день у них отмечался великим праздником. Приглашающие даже оплачивали наш приезд.

Это были незабываемые дни. Экскурсии по тем местам, где когда-то была передовая линия, – окопы, землянки, братские могилы однополчан, возложение венков и митинги, встречи на предприятиях и в школах.

Самые первые встречи были в Великой Белозерке на Днепре, в Сталинграде, станице Сиротинской и под Ленинградом. Встречались мы еще в городах Артемовске, Папасная, Константиновка.

На эти встречи мы ехали как на самый дорогой, самый большой праздник. Они продляли нам жизнь.

Предприятия, где мы работали, оказывали материальную помощь для поездки.

На одной из встреч меня избрали секретарем совета, там я отработала 12 лет, до 2004 г.

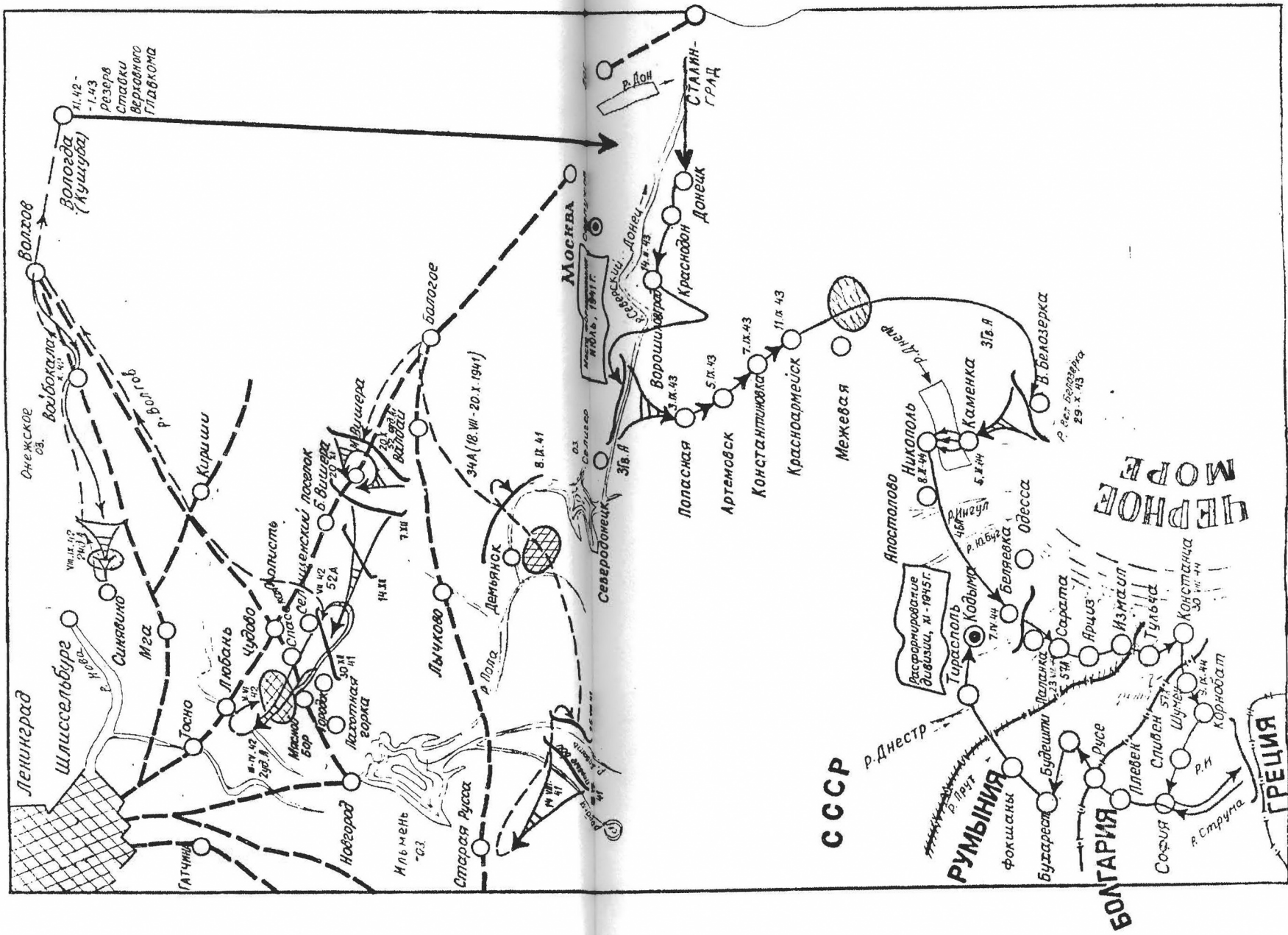
В мае прошлого года ушел из жизни председатель совета П. С. Ребрин. Пытались меня уговорить стать председателем, но для меня это было не под силу, да и возраст уже не тот.

Для ведения этой работы нужны финансовые средства, а у меня их нет.

Ребрин жил в Волгограде, и у председателя всегда имелись средства для ведения переписки с однополчанами. Ежегодно всех однополчан мы поздравляли с праздниками: Днем Победы, 7 Ноября, Новым годом, днем рождения и прочее. Даже переписка стала дорогой, и работа совета закрылась. Поздравляю только небольшое количество однополчан, их уже почти не осталось.

За эту многолетнюю общественную работу в совете ветеранов награждена грамотой Советского комитета ветеранов войны 9 мая 1995 г. и грамотой Российского комитета ветеранов войны за подписью генерала армии. В. Л. Говорова.

БОЕВОЙ ПУТЬ

СТИХИ

ЭХО ВОЙНЫ

Эхо войны через годы
Я слышу опять и опять.
И вновь воскресают тревоги...
Войну не хочу вспоминать.

Но в мирные дни произвольно
Все это вершишь ты, судьба,
И мысли волнует невольно
Проклятая эта война.

И снова я там. Ад крошечный —
Со свистом снаряды летят,
Полки формируются спешно,
Хороним погибших ребят...

А. А. Ванин

В. В. Дудочкин

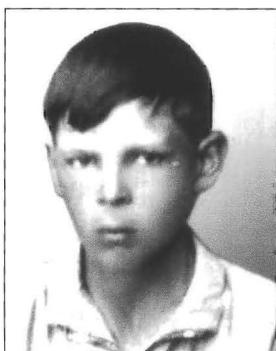
Д. Мартьянов

Т. И. Винокуров (сидит 1-й слева)

Раиса Дудочкина

Г. Дудочкин

В. З. Шуликов

Алексей и Александр Дудочкины

***Работники штаба и служб 259-й Артемовской
стрелковой дивизии***

И. Бацкий, Вильк, Плужников, Е. Ванина

***Е. Ванина
и Н. Норицына, 1943 г.***

Е. Ванина (в центре) в День Победы. Австрия, 9 мая 1945 г.

Е. Ванина, 1943 г.

*Елена – секретарь парткомиссии,
Маша – секретарь военного трибунала,
Вера – секретарь прокуратуры*

*Гаврицын (?), Елена Ванина и Сергей.
Ст. Кущуба, 1942 г.*

*Оперативный отдел 40-й гвардейской
стрелковой дивизии*

*Елена Ванина, ст. Донец.
Лето 1943 г.*

*Дед Илья Ванин в свои
восемьдесят семь*

В. З. Шуликов

*Сороковая гвардейская дивизия, которая стояла насмерть
в июле 1942 г. под Сталинградом*

Встреча с кандидатом на пост мэра города Ленинска-Кузнецкого В. Н. Телегиным. Март 2010 г.

Встреча однополчан под Ленинградом

А. Г. Борискина, Е. Н. Ванина, М. П. Баева в День Победы. Май 2003 г.

Сороковая гвардейская стрелковая дивизия.
Станица Сиротинская под Сталинградом

* * *

Самолет летит над нами,
В мирном небе он летит.
Гул услышу, а в сознание:
«Будет он сейчас бомбить».

Что-то грохнуло, упало –
Слышу выстрел – где-то бой,
Вмиг передо мной предстанет
«Мессеров» зловещий вой.

И сейчас мне жизнь не сладка,
Та далекая война
Подбирается украдкой
В тот момент, когда одна...

О ПРОШЛОМ

Этот стих будет снова о том,
Что до смерти меня не покинет.
То, что прожито мною в былом,
От меня не уйдет и не сгинет.

Снова снится с фашизмом война,
Та кровавая долгая сеча.
Все хочу я забыть, но она
Ежечасно выходит на встречу.

Беспощадно терзает мне грудь
И в ночи не дает мне покоя.
О, судьба, пощади меня, будь
Снисходительной, даже другою.

Сослуживцы давно в небытие
И почили сном вечным, не встанут.
Но в ночи вновь приходят ко мне,
Видно, сны эти в вечность не канут.

И сейчас все страдает душа,
Улетает в долины ненастья.
Жизнь моя – в мирны дни хороша,
Только нет ей без прошлого счастья.

Смотрю кино я о войне,
И кажется, что там сама я
Живу с героем наравне,
Друзей вновь память воскрешает.

Война страшней, чем этот сказ,
Никто не сможет передать
Со сцены и в кино хоть раз,
Что нам пришлось тогда познать.

Когда вдруг рядом рвется бомба,
Снаряд взрывается вблизи,
Блиндаж, окоп – не катакомба,
Прямым снарядом поразит.

И кто из вас представить может,
Как смерть солдата стережет,
Как острой болью сердце гложет
Внезапный вражеский налет.

А самолеты с ревом, с гулом
Идут в пике окоп бомбить.
Припав к земле, спасаясь чудом,
Солдат тот остается жить.

Немногим нам самой судьбою
Предречена награда – жить.
Превыше всех наград героев,
Чтоб ту войну не повторить.

* * *

Приходят с давних лет виденья,
Тех не хочу я встреч в тиши,
Но эти все столпотворенья
Опять вблизи моей души.

И воскрешают то бывшее,
И вновь я слышу гул войны,
И взор охватывает поле
Смертельной битвы. Не храни...

Солдат прошел под сводом смерти
И жизнь окопную познал.
Все в беспощадной круговерти
Он пережил, в себя впитал.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Много лет пролетело с дней юных...
Воскресная дата была,
Двадцать второго июня
Грянула эта война.

Года не сотрут этой даты,
Какою бы жизнь ни была.
В те дни все мы были солдаты,
Оставив свой дом и дела,

Учебу, любимых, мечтанье,
Что было нам в жизни дано,
Вошло строго в наше сознание —
За Родину встать суждено.

И не было большего долга —
Мои земляки стар и млад
Стояли преградой на Волге,
Москву отстояв, Ленинград.

Проходят года, юбилеи,
Победных салютов рассвет,
Но бродит в пустынных аллеях
Мое поколение тех лет.

О БРАТЬЯХ

Воспоминанья дней минувших
Мне больно душу бередят.
На фронт ушли мои братишки,
Их не дождались мы назад.

Иван Мартьянов пал под Брестом,
А юный Дмитрий – инвалид.
Разведчиком он был известным,
Давно в сырой земле лежит.

Геннадий с Сашей, как и деды,
Собою заслонив Москву,
Стояли насмерть за Победу,
За жизнь счастливую свою.

Алеша, старший, – весь изранен
И покалеченный войной,
Живой пришел, не узнаваем –
Хоть молод, но совсем седой.

Брат Саня Ванин – неизвестно,
В каком бою и где погиб,
Сухая строчка похоронки
О том совсем не говорит.

Их матери поныне плачут
И ждут своих сынов с войны,
От лиц счастливых горе прячут,
Тревожные им снятся сны.

И неумное то горе
Унять не смогут никогда,
И омывают боль слезою,
Как доли вешняя вода.

МЫ ЮНЫМИ БЫЛИ

Мы юными были: любили, мечтали,
Но в годы войны мы всего испытали.
Когда мы чуть-чуть подросли, повзрослели –
Солдатами стали, шинели надели.

Сложилась жизнь так, что пошли на войну
Народ защитить от врага и страну.
То время суровое нас не щадило,
Погибших там много осталось в могилах.

Лежат на своей и чужой стороне,
Всегда так бывает на страшной войне.
Нам надо их помнить, нельзя забывать –
О наших героях должны люди знать.

О СЕБЕ

Я юной девчонкой ушла на войну,
Навстречу тех бурь, ураганов,
В объятья жестокости, вихрей в дыму,
От близких своих и от мамы.

Дорога меня в Ленинград привела,
Где пушки грохочут, всечасно бомбят,
А в небе, как птицы, кружат мессера,
Как жаль всем нам было тебя, Ленинград.

В вертепе войны, что увидела я,
Мне верить никак не хотелось,
Сердцем своим воспринять не могла,
Во что все вокруг превратилось...

Деревни, поселки, краса городов
В руины, в ничто превращались,
Как будто бы кара Великих Богов
На мир наш людской надвигалась.

Снарядами, бомбами взрыта земля,
Траншеи, как сеть паутины,
Покрыли ее, словно карта она,
А в лик ее спрятаны мины.

Земля наша матушка, как и солдат,
Чего только ты не видала...
Все тяготы, страсти жестоких атак,
Сколь кровушки нашей впитала...

ПРОВОДЫ

Товарный поезд подходил
К вокзалу ближе, ехал тише.
И вдруг как вкопанный застыл.
«Занять вагон!» – команду слышу.

Еще гражданские мы люди,
Но впереди нас ждет война.
Мои родные и подруги,
От вас уеду скоро я.

Умчусь куда-то в неизвестность.
Колес вагонных перестук
Петь будет песни бессловесно,
«Комфорт» теплушки – весь уют.

Потом по фронтовым дорогам
Вдаль поведет меня судьба.
Тревогу ваших глаз и слезы
Я буду чувствовать всегда.

От мамы и сестер своих
Ждать буду писем ежедневно,
Привета от сибирских зим,
Скучать и тосковать безмерно.

Смотрю на близких из вагона,
Они, прощаясь, слезы льют.
Сердца, наполненные болью,
Родным вещают дальний путь.

Вот так я тоже провожала
Братишек, дядей на войну...
Знать, очередь моя настала.
До встречи, мама! Жди, вернусь!

О ДЕВУШКЕ-СОЛДАТКЕ

Юная, словно тростинка,
С русой косой за спиной,
Черных бровей паутинка,
Облик прекрасен так твой.

Радужность глаз – два огнива,
Блеск их и тайн глубина.
Все позади, что любила,
Ждет впереди лишь война.

Хрупкие нежные плечи
Скрыты в солдатский покров,
Стройную ножку девичью
Кирзовый спрятал сапог.

Серая, грубая очень
Стала нарядом шинель,
(Будешь ты в ней дни и ночи),
Талию обнял ремень.

Вместо косынки надела
Пилотку с красной звездой.
Себе в новый облик не веря,
Девушка стала другой.

Пройдешь ты по трудным дорогам
Огнем опаленной судьбы,
Там жизнь выпадает не многим...
Храни тебя Ангел, храни.

* * *

Все военные годы,
Каждый день, даже час
И в любую погоду
Ждала смертушка нас.

На дорогах, в походах,
При атаке в бою –
Это наша санрота
Жизнь спасала твою.

Жизнь и смерть были рядом,
Шли с бойцом каждый миг.
Жизнь солдата – награда,
В сердце радостный крик.

КОМУ СКАЗАТЬ

Кому сказать да и поплакать
О том, как жил в войну солдат,
Как он тогда ходил в атаку,
Захочет ли кто нынче знать...

Здоровье, молодость сгорели
На прошлом огненном пути.
И сможет ли сейчас поверить,
Как мог он этот путь пройти.

Как живы мы тогда остались,
Лишь Бог сам ведает о том
Да мать-земля, к ней прижимались
Под градом пуль и артогнем,

Под бесконечною бомбежкой
С утра до самой темноты,
А ночью б нам уснуть немножко –
Ждут переходы и пути.

За все те годы, что впитало
Сердечко наше, приняло...
Вот если б было из металла,
Могло б расплавиться оно.

Я девочкой ушла в то пекло
С сорок второго – до конца.
По всей войне прошла в пехоте,
Под взрывы мин и свист свинца.

Сейчас мне тяжело, кто поверит...
Мой муж, он тоже был солдат.
Ушел из жизни от ранений.
Имел десятка два наград.

Чтоб нам занять передовую,
Полку намеченный рубеж,
Окопы пред врагом вплотную –
Всю ночь мы двигались сквозь лес.

Повозки ехали и пушки,
Пехота плотным строем шла,
И маскировку всех идущих
Хранила та ночная мгла.

Дорогой был настил из бревен
Через болотистую топь,
В низинах, там, где путь не ровен,
Сквозь просеки лесов, болот.

Нам до рассвета было легче
Преодолеть положен путь.
Во тьме небес кружил разведчик
Немецкий зоркий фокке-вульф.

Но и в ночи они бомбили,
И пламя разрывало тьму,
Убиты, раненые были.
«Укрой нас», – просим темноту.

С рассветом мы пришли на место,
Там сыро, холодно в лесу.
Мы у костра присели вместе,
Паек поели на ветру.

Укрылись сеткой-маскировкой,
А сверху немец сторожит.
Устали за ночь, путь нелегкий,
Вдруг самолетов строй летит.

Все стало сразу сущим адом...
Пошли в пике, не долетая,
Так, значит, бомбы лягут рядом
И нас настигнет участь злая.

Бомбить нас дважды заходили,
Их было больше тридцати,
Врагов зенитки наши били.
А что ждало нас впереди...

Такой урок войны познали —
Не описать, не рассказать.
Крещение первое приняли,
Не дай вам Бог того познать!

МАМА

Знаю, милая мама,
Ангел мой дорогой,
Как ты много страдала
За меня в год лихой.

Вера в Бога, надежда,
Материнская боль
И молитва безбрежна
Рядом были со мной.

Шла по минному полю,
Шла под смертным огнем
И солдатскую долю
Я несла в ночь и днем.

И меня защитила
Ты любовью своей,
И молитвой закрыла
От иных рубежей.

ТРУДНОЙ ДОРОГОЙ

Какою ты трудной дорогой
Войны лихолетья прошла.
Не день и не два, все три года
Ту долю мужскую несла.

Тоску, боль о доме скрывала
От всех, кто был рядом с тобой,
И волю слезам не давала,
Столкнувшись с тяжелой бедой.

За эти длиннющие годы
Зимой, летом, ночью и днем —
Палатки, землянки, дороги
В кромешном аду под огнем.

Шинель твоя только и знала,
Как тяжело случалось порой,
Сколько ты друзей потеряла,
Оставив им холм со звездой.

Слезу со щеки вытирала
Шершавым ее рукавом
И участи завтрашней ждала,
Сражаясь с жестоким врагом...

ШКОЛЬНЫЕ ПОДРУГИ

Школьные подруги, дорогие,
Далеко от вас сегодня я.
Вы со мною в памяти, родные,
Стала жизнь солдатскою моя.

Не иду сейчас я с вами в школу,
С книгами портфеля не несу.
У меня нет белой ленты более,
Что вплетала в русую косу.

Стали мне подругами солдаты,
Грубая шинель – наряд весь мой.
Вместо книг – винтовка и гранаты
И мешок солдатский вещевой.

Чтобы вы учились и мечтали
Далеко от ужасов, пройти
Мы должны, все смерти презирая,
Трудными дорогами войны.

Как пережить все то, что вижу,
Жизнь войны, в которой я живу,
Смерть то дальше от меня, то ближе,
Не во сне, девчата, наяву.

И война – не девичье ведь дело,
Трудно здесь, признаюсь вам тайком.
Если я сквозь ад пройти сумею,
Расскажу при встрече вам потом.

СКАЖУ О ДЕВУШКЕ ОДНОЙ

Леса, болота непролаз,
Окопы вырыть места нету,
А без окопа страшен час,
Недолго нам ходить по свету.

Передний край был недалек.
Наш полк был словно в мясорубке,
А немец нам кольцо нарек
И жал со всех сторон, как губку.

Война – войной, а жизнь порой
Диктует нам иное право.
Скажу о девушке одной
С косою дивною на славу.

Как вешний день она была,
В глазах луч солнца, чуть печали.
В санроте нашего полка
«С косою девушка» прозвали.

Аленкой кто-то просто звал.
И вот однажды так случилось,
Солдат к нам группа подошла,
Позвать ту девушку просили.

«Кто звал меня, что нужно вам?» –
Всех оглядев, вдруг молвит строго,
А парни вокруг ее кольцом,
Все на подбор, чудны немного.

Все в маскхалатах, автомат,
Их боевое снаряжение.
Понятно, что не на парад
Собрались, не на день рожденья.

Меж них начался разговор
О чем-то слишком отвлеченно,
В улыбках лица. Чуть рукой
Коснутся, будто бы случайно

Ее прекрасных длинных кос.
Кто побойчей рукой коснется,
Она смущается всерьез,
А то вдруг нежно улыбнется.

Как были милы лица все,
Глаза так искренне светились,
Как будто бы не на войне
Минуто были, а приснились.

Потом по очереди все
Пожали руку той Аленке,
Сказав: «Идем в разведку мы»,
Махали издали девчонке.

Та, пожелав удачи им,
Хотя и никого не знала,
Чтоб возвратиться им живым,
Вослед им тоже помахала.

И только много лет спустя,
Пройдя войны дороги длинной,
Ей стала ясна встреча та,
Ребят-солдат, тот сказ былинный.

Что каждый тот разведчик, зная,
Хотел в той девушке увидеть
Сестру, невесту или мать
И отчий дом на миг приблизить.

МИННОЕ ПОЛЕ

Идет она, идет, мечтает.
Идет в свой штаб с передовой
И ничего еще не знает,
Что встретит смерть перед собой.

Не видит и не замечает,
Девчонке девятнадцать лет,
Путь минно поле преграждает.
Кто скажет ей: «Пути здесь нет!»

Вдруг замерла она, поверьте,
Застыв на месте, на черте.
Черта та – жизни или смерти,
Не ошибиться б в суете.

Стоит солдат, солдат-девчонка,
Вокруг лишь лес и никого.
Биенье собственного сердца
Она лишь слышит одного.

Рассудок шепчет: осмотришь.
Страх шепчет: крах тебе, пропала.
Стоит застыв, не шевелясь,
Сначала страх в себе уняла.

«Не торопись, соображай,
Про ситуацию слыхала,
Подобную твоей, давай!»
Не двигаясь она стояла

На том же месте. Повернуть!
Следы в песке чуть различая.
След в след, а в сторону ничуть,
Там смерть и темнота немая.

«Смелей, смелей, – себе шептала, –
Еще немного и чуть-чуть».
Нога ее меж мин ступала:
«Погибнуть не должна я тут...»

«О, Боже, я жива!» – И села
У поля минного она.
Не сказка это, былью было
Под страшным именем Война.

Окинув поле смерти взором
И сквозь него – свой жизни след,
На поле мин глядит с укором
Девчонка в девятнадцать лет.

Я КОМСОМОЛКА

Я комсомолка сороковых,
Вступив в ряды в дни лихолетья,
В самые суровые дни войны –
Под Ленинградом, в зоне смерти.

Под мессершмитов грозный вой
Билет торжественно вручали,
Наказ давал мне начПОДиВ,
И в унисон сердца стучали.

Двадцать девятого числа
В день августа сорок второго,
А в ночь полк шел к передовой
Под покрывалом тьмы ночной.

У сердца я билет хранила,
С ним через всю войну прошла.
Путь – Сталинград и Украина,
И до Германии дошла.

Сейчас хранится он в музее,
Ведь он реликвия тех лет.
Чтоб не забыли молодые
О нас, ковавших дни побед.

САНИНСТРУКТОР

Невысока, невзрачна девчушка
В гимнастерке солдатской идет.
С батальоном своим днем и ночью
Санитарную службу несет.

В одинаковой доле с мужчиной:
Если бой – где-то рядом ползет.
Рядовая, сержант ли по чину,
Санинструктор – зовет ее взвод.

Показать, что устала, не хочет,
Что ей тяжело порою до слез.
И тихонько, беззвучно поплачет
У израненных белых берез.

А домой нежно маме напишет:
«Не печалься, родная моя,
Хорошо мне, и я уж привыкла...
А погибну, так что же – война».

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Все, считала, было ей под силу –
Раненых спасать, когда шел бой,
Их из зоны смерти выносила,
Если надо, заслонив собой.

Так случилось, что в бою неравном
С ранеными Аня-медсестра
Оказалась в окруженье вражьем,
На команду «Хонде Хох!» не шла.

Заняв круговую оборону,
Билась медицинская сестра.
Пусть же враг забудет путь свой к дому...
Раненым приказ дает она:

«Мы живые фрицам не дадимся,
В том всему порукой наша честь!
Пусть узнает враг, на что годимся,
Мы еще живые, силы есть!

Братцы милые, не дайте права
Над собой глумиться черным псам,
Растерзать израненное тело,
Пусть возмездие поможет нам!»

Всей своей отважной силой женской,
С неподдельной русской красотой
На чужой земле – равнине Венской
Медсестра вела последний бой.

АТАКА

Мою атаку вражья пуля
Прервала вдруг, и я упал.
А сколько раз она минула,
Меня щадила, я то знал.

Я отомстить спешил за павших,
За честь поруганной земли.
Без отдыха, ночей не спавши,
Как труден был мой путь войны.

Темно в глазах, сковало болью.
И как-то сразу не вздохнуть.
И за туманами, за далью
В сознание мысль: «Мой кончен путь...»

Атака наша захлебнулась,
Приказ комбата: «Отступить!»,
А я лежу, сраженный пулей,
Прошу ребят меня добить.

Прошу: «Ребята, не оставьте
Живого немцу – лучше смерть!»
Комбат солдатам: «Не теряйте
Минуты лишней... Ты в жизнь верь».

Меня в воронку затащили
И пеленать скорей в бинты,
А кровь при вздохе пузырилась
Со рта, из раны на груди.

Меня поставили ребята
На ноги, к лесу повели,
Стрелял нам в спину немец клятый,
От пуль вздымалась пыль земли.

ПИСЬМА

Пишешь ты: «Будь смел и осторожен,
На пролом без толку не иди,
В каждом деле умный ход возможен,
Лучик света виден впереди...»

«Я наказ твой, мам, не забываю.
Трудно здесь, во всем есть свой закон,
Перед наступленьем вспоминаю
Все, во что я в жизни так влюблен.

Мама моя милая, родная,
Слез не лей, от них мне тяжело.
Боль твою я чую, дорогая,
Много нас от матерей ушло.

Пуля мне заводом не отлита,
И не скован меч еще людьми.
Ты не стой до ночи у калитки,
Успокойся, спать домой иди.

Пусть тебе приснится сон хороший,
В домике твоём и мне родном.
Все плохое занесет порошей,
Чистым, белым, бархатным снежком.

Надо мною сабля промахнется,
Злую пулю ветром отнесет.
Неудача счастьем обернется,
Смерть меня стороной обойдет».

О КОЧЕТКОВЦАХ

Взвод Кочеткова возле Дона.
Задача – высоту держать
И до прихода батальона,
Как бы ни трудно – устоять!

Всего шестнадцать юных было,
А с ними мужество солдат.
Они собою заслонили
Врагу вперед путь и назад.

Сквозь их огонь, как волчья стая,
Ползла пехота за броней,
И «тигры» скорость набирали...
Кровавым страшно был тот бой.

Пять раз атаки отбивали,
Но высоту держать смогли.
С гранатами под танк бросались,
Погибли все в тот бой они.

Так кочетковцы устояли,
Атаки отразили все
За Сиротинскою станицей,
На самой главной высоте.

В СУРОВЫЙ ДЕНЬ

В суровый день военных лет
Мы в переходе так устали...
Идем. Привала нет и нет.
Об отдыхе мы все мечтали.

Над нами дождик моросил,
Шинели враз отяжелели...
И никаких уж нету сил,
Когда же мы дойдем до цели...

Вошли в разбитое село,
Осенний холод донимает.
Как обогреться, где тепло
Найти, никто из нас не знает.

Вот хата. Здесь передохнем.
И быстро взялись мы за дело.
Закрыли окна чем пришлось,
Печурка мигом загудела.

Хоть как-нибудь все подсушить:
Портянки, мокрые шинели.
Смогли еду сообразить,
Все, что нашлось, то и поели.

Усталость всех валила с ног,
И лишь тепло солдат коснулось,
Спать повалились кто как смог,
О дне грядущем не волнуясь.

О РАЗВЕДЧИКАХ

Разве можно забыть
Тех разведчиков смелых,
Как в разведку ушли
В маскхалатах все белых.

В Белозерке большой
Украинской – Великой,
За рубеж огневой
Парни двинулись тихо.

Ночь темна, снег с дождем.
В небо взвилась чужая ракета,
Озарила, как днем,
Не укрыться разведки от света.

По нейтралке ползут,
Враг притих, не стреляет.
Языка в штабе ждут
Разведка приказ выполняет.

И в последний уж миг
Враг огонь всеружейный
По разведке открыл,
Бой неравный, смертельный.

Не сумели уйти
Те ребята живыми
И лежат, как ползли,
Взор вперед устремили.

Видеть мне их пришлось
В невысоком лесочке,
Как ползли, так лежат,
Белы их бугорочки.

Вкруг растаял уж снег,
А под ними остался.
Тот мгновенный бросок
Им в тот раз не удался.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Я ответить вчера не смогла
На письмо твое в несколько строк.
Не печалься, родная моя,
Может, выдастся лучший денек.

Все идем мы куда-то, идем,
Где-то очень нужны мы, наверно.
Скоро встреча нам будет с врагом,
Старшина говорит: «Непременно!»

Я успею, а может быть, нет
Написать вам домой хоть две строчки.
На бумаге оставив свой след
В треугольном конверте-листочке.

Сильно думать нет время о том,
Кто из нас завтра будет не будет.
На войне все своим чередом,
И судьба там по-своему судит.

Старшина или писарь в полку
Донесенье комвзвода услышит —
На довольствие на день зачтет
Иль домой похоронку напишет...

*Офицерам политотдела 259-й АСД
Сугакову и Кушнареву*

Кругом все ухало, горело,
И непрерывно длился бой
За реку Днепр, за берег левый,
За Белозеркою Большой.

Декабрь стужею был страшен,
А на передней снег горел,
На вражью сторону и нашу
Не счесть, в сколь тонн металл летел.

Он падал бомбами, в снарядах
И изрыгался из брони
«Пантер» и «тигров» канонадой,
Цветами радуг днем, в ночи.

А на передний край с заданьем
Политработники ушли,
Но через день не все вернулись,
Двоих дождаться не смогли.

Они несли наказ солдатам,
Всем, кто в окопах под огнем
Делили тяготы с пехотой
В дороге тяжелой фронтовой.

Несли слова тепла и веры,
Газеты – свежие листочки
За ночь газетчики издали,
Солдат их ждал, читал все строчки.

Политотдельцы не вернулись,
Из пекла ада не пришли.
От горя ниц ракиты гнулись,
Метели алые мели.

РАЗВЕДКА

В разведку шли мы налетке.
Пятерка смелых рвалась в бой.
Ледок с шугой плыл по реке,
А мы на лодке надувной.

Все шло по плану – хорошо.
Почти всю реку переплыли,
Остался миг один еще...
Вдруг обнаружены мы были.

Ракета ввысь, а пули в нас.
Пробита лодка наша, что же,
До берега добрались вплавь,
Вода со льдом, какая стужа.

На берегу затаились мы,
Избрав позицию такую:
По обе стороны тропы
Мы подползем к врагу вплотную...

Вдруг слышим тихий разговор.
К нам пробираются тропкою
Шесть немцев, словно на подбор.
Мы держим тактику иную:

Шесть много, всех не нужно нам,
Ну а двоих с собой прихватим.
Захвачен нами был «десант»,
И за «купанье» долг заплачен.

Поняв, что враг нас обнаружил,
Наш ротный с нашей стороны
Другую лодку, нам ведь нужно,
В обратный путь мы плыть должны.

Ребят нам в лодке направляет.
Хоть риск большой, но мы в беде.
Канат к той лодке прикрепляет,
Чтоб плыл за лодкой по воде.

Минуты медленно ползли.
Скрутили немцев, клял заткнули.
На берег вмиг приволокли
И в лодку разом погрузили.

И за канат с той стороны
Ребята потянули мигом.
Мы коченеем на ветру,
Одежда наша встала дыбом.

Заданье выполнили мы.
Беда – простуда небольшая.
Приказ комдива получив,
В санроте месяц пролежали.

СИБИРЯК И ЛЕНИНГРАДЕЦ

Что ж, приятель, вспомнить надо,
Был когда-то жаркий бой,
Сибиряк и ленинградец
Шли дорогой фронтовой.

Ты, приятель, ленинградец,
Я природный сибиряк.
Мы в бою шагали рядом,
Били немца мы, да как!
Смерти мы в глаза смотрели,
И она боялась нас.
Где не встретит наше имя –
Ленинградец, сибиряк.
Ты, приятель, был веселый,
Ну и я не унывал,
А врага ты, друг, бил метко,
Да и я не отставал.

Вот теперь, когда не слышишь
Над собою пули свист,
Завыванье мин, снарядов,
Оглушительный их взрыв.
Вот теперь, когда стихнула
Фронтовую гарь и пыль,
Отдохнули от походов
Из Сибири на Берлин.
Вот сейчас приятно как-то,
Если стану вспоминать,
Наши дни с тобой прошедши,
Хоть не вместе – это так.

Сколько мы земли изрыли,
До Берлина долго шли,
Землю кровушкой полили,
Но до Гитлера дошли.

Эх, земля, ты только знаешь,
Что таили те сердца,
Ожидая наступленья,
Мстить врагу за наши семьи,
За убитого отца,
За разрушенные села,
За старушку-мать, за сына –
Поклялись мы до Берлина
Как не трудно, но дойти.

Слышим голос командира
Под напев «Катюши» грозной,
Артиллерии разрыв
И солдат бросок вперед.
Все в дыму, огнем пылает,
Артиллерия стреляет.
Вот и танки-самоходки
Наши грозные пошли.
На пути ломают, давят
Все немецкие землянки,
Все окопы, блиндажи.
А за ними и пехота
Расправляется умело,
Колет штык, ружье стреляет
И направо, и налево.
Перевернуты их пушки
Вверх колесами, разбиты.
«Победителям» России
Дали мы надел земельный
Двухметровый, что сулил им
Их владыка, враг наш – Гитлер.

Поработали, что надо,
В пух и прах все разнесли.
Полюбуйся, мой приятель,
Что преградой всем нам было
Сметено с лица земли.

Победили в наступленье
И продвинулись вперед.
Передышку на мгновенье
Получил пехотный взвод.
Каждый, кто в живых остался,
Сам не верит, что живой.
В том бою отважно дрался,
Выжил, значит, он герой.
Старшина доставит кашу,
Щей горячих и чаек.
За работу трудную нашу
Сам наполнит котелок.
Мы поели, закурили,
Отдохнули, сколь смогли,
Вновь окопы сами рыли
На израненной земле.

Дни боев прошли, я дома,
В Ленинграде ты родном —
Не забудем нашей дружбы,
Нашей дружбы под огнем.

Мечталось мне в дни лихолетья
Уюта мирного клочок —
Помыться в баньке, отогреться,
Уснуть, как люди спят, часок.

Ведь спали мы где как придется,
А не придется, так сойдет.
А сверху снег иль дождик льется,
Под бок бы хоть соломы клоч.

То на ходу вздремнешь бывало
Под звуки топающих ног,
Запнется вдруг о что попало
Отяжелевший враз сапог.

По-человечески раздеться,
Снять гимнастерку и ремень,
Чтоб были простынь, одеяло...
Таких блаженств хотя бы день.

Так мне мечталось и хотелось
Уюта мирного клочок.
В огне крошечного вертепа
Смертей, и крови, и дорог.

* * *

Вошли в село, отбитое у немцев,
А за околицей не прекращался бой,
Горели хаты, слышен плач младенца,
Стервятников фашистских вой.

Кончался день, горел костер заката,
Жестокий бой все дальше отходил.
А горький плач у догоравшей хаты
Мне сердце острой болью бередил.

То плач был матери двоих детишек малых:
— О горе, горе, как мы будем жить?!
О лютые враги, вам мало дел кровавых,
Зачем же хаты было все палить?

Где мне укрыть от стужи деток малых?
Чем накормить? И где уложить спать?
«Я от войны и горя так устала...» —
Над малыми детьми тужила мать.

Прошли года, отстроили мы хаты,
И выросли заводы, города,
Но не забудут детский плач солдаты
И не смирятся с болью детской никогда!

СТАНИЦА СИРОТИНСКАЯ

Станица Сиротинская — казачья,
В низовьях тихо вьется Дон-река.
Одно из сел освобожденных
Дивизией нашей была.

А за селом гряды окопов,
Землянок, дотов, блиндажей.
Сто дней сражалась там пехота,
Не сдав занятых рубежей.

О том расскажет высота
190,9 и другие,
Как насмерть дрались, до конца
Однополчане дорогие.

Геройски пал взвод Кочеткова,
Шестнадцать молодых парней,
Не пропустив врага, рубеж
Закрыли доблестью своей.

Там обелиск святой гордыней
Восстал как память прошлых дней
И как орел парит над нами,
Над полем брани и смертей.

Пропитана земля там кровью,
Осколками покрыта вся
От бомб, снарядов, минных взрывов,
Где фронтовая шла гряда.

А сколько там могил безвестных,
Однополчан в земле сырой.
За Сиротинскою станицей,
По всей дороге фронтовой.

Они остались навсегда
Вам жизни охранять от бури,
Стоят столь лет, как и тогда,
Без устали стоят, без боли.

В ДНИ ВОЙНЫ

Ночная мгла окутала пространство,
Не прекращался грохот, гул войны.
В разбитом доме не было убранства,
Но от дождя мы были спасены.

Заделав окна, занавесив двери
Плащ-палаткой, стало чуть теплей,
Солдат порою сам себе не верит,
Что выжил он средь смертоносных дней.

В сооруженной наскоро печурке
Потрескивали весело дрова,
И мы, усталые за целый день дороги,
Свалились, словно скошена трава.

В сторонке на скамье устроилась девчонка,
Шинельку постелив и ей укрыв себя,
А за окном пел песни ветер звонко,
Она среди мужчин-солдат была одна.

Согрелась от тепла печурки, задремала,
Все перепуталось: и сон, и явь.
И вдруг девчушка шепот услышала,
Журчанье нежных и печальных слов:

«Как тяжело видеть, средь каких лишений
И наравне с мужчиной наших лет
Ты делишь эту участь, дни сражений,
Простая девочка во днях военных бед.

Как оградить тебя от лютой смерти,
Чем заслонить от ежедневных бед
И от кровавой страшной круговерти,
Ведь никакой брони от смерти нет».

Пыталась девушка в тот миг казаться спящей,
Прислушиваясь к звукам нежных слов,
А счастье ясной искоркой светящей
Кружилось рядом, хоть и час суров.

Много зим прошло с дней лихолетья,
Но на всю жизнь запомнился тот час
Невольного и нежного признанья,
И огонек тот в сердце не погас.

У ДУНАЯ

У широкой реки,
Что Дунаем звалась,
Отгремели бои,
Спать война улеглась.
Шла дивчина-солдат,
Улыбалась, смеялась.
Сколько водных преград
Переплыть ей досталось.
И еще потому,
Что живою осталась.

Плыть не просто в тиши,
А под выстрелы пушек.
Рядом рвется снаряд,
Убивает и глушит.
Четыре раза Дунай
Переплыть ей пришлось
И зимою, и в май
То осколки, как дождь,
От шрапнели с небес
Накрывало волною.
«Плот наш медленно плыл
По реке ледяной...
Вспомню, сердце замрет,
Тяжки дни фронтовые...
И сейчас в нас живут
Дни солдата былые».

СЛАВА ЖЕНЩИНЕ

Мы, девочки, — войны солдаты
Шли в бой с мужчиной наравне.
Победы отмечаем даты
И смотрим фильмы о себе.

Как много нас по тем дорогам
Лежать осталось на пути.
Солдат-девчат из медсанвзводов,
Из медсанбатов помним мы.

В полках мы были поварами,
В разведке — рации несли,
И снайперами мы с парнями
Убитым немцам счет вели.

Пилоты-девочки умело
Бомбили, в небе бой вели.
Какие горды были, смелы,
Мы — дочери родной земли.

Зенитчики, прожектористки
Всечасно зорко стерегли,
Не пролетели чтоб фашисты,
Хранили фронта рубежи.

Мосты, железные дороги,
Больши и малы города,
И в сердце затаив тревоги,
Водили танки, поезда.

И где мы только ни служили,
И на своих плечах тогда
Держали тыл своей России,
Вновь воздвигали города.

О БЫЛОМ

Оглянитесь хотя б на мгновенье,
Чтоб представить те давние дни,
Когда с севера до юга ежедневно
Жестоки и кровавы шли бои.

Пылало пламя войны непрерывно,
Пылала матушка-земля в огне.
Полило нашей кровушкой обильно
Все было наяву, а не во сне.

Генералы, офицеры, рядовые
Этот непрерывный бой вели,
Преданы своей Отчизне были,
Потому и выстоять смогли.

На былое хочется взглянуть
И сказать, как все происходило.
Брали нас, девчонок, на войну...
А порой такое даже было:

Уезжали девочки домой,
Под огнем познав любви короткой,
Чтоб потом стать мамой и одной
Дочку без отца растить сироткой.

Мамой-одиночкой назовут,
Малое пособие назначат...
Вот и создавай на них уют
С сыном или дочкой и «удачей».

А любимый голову сложил
На пути своем, ковав Победу.
По-геройски век короткий жил,
Если б жив остался, стал бы дедом.

Так сурова жизнь была солдат,
Рядовых и старше – офицеров.
Вместе шли в атаки под набат,
И сердца их были под прицелом.

* * *

Мужу Василию

Он, искалеченный войной,
Остался жив каким-то чудом.
Бывают тяжки дни порой
Лишь мне известно, а не людям.

Что им до этого всего —
Глухой, слепой или безногий...
О том не знают ничего,
А жить, идти одной дорогой.

Порою горести терплю
И тайно от него поплачу,
Сгорели нервы там, в бою,
То для других ничто не значит.

Он трусом не был никогда,
Не раз в атаку шел бывую,
И жизнь изведаль всю сполна,
Окопную жизнь — фронтовую.

Пробита пулей грудь его,
Насквозь, навывлет разрывною,
А от контузий он глухой,
Осколок гложет грудь герою.

Нам жизнь, со всеми наравне,
Трудней намного достается.
Кто лишь слышан о войне,
Что трудно жить ему клянется.

ПАМЯТЬ

Память, верни на мгновенье
В сорок второй тот год,
Пройди дорогой мест сраженья,
Сверши еще один поход.

Память, проводи меня опять
По военной огненной черте
В дыму кромешного огня
К той Сиротинской высоте.

Где был приказ – насмерть стоять!
За Дон врага не пропускать.
Там град великий – Сталинград,
И нам приказ – насмерть стоять!

А враг силен, как рвался он
За наш рубеж, за Дон, за Дон.
За Доном – степи, Сталинград,
И нам приказ – насмерть стоять!

И мы не пяди той земли
Врагу не смели уступить.
Металла, крови все те дни
Скопъ приняла ты, грудь земли.

И кто погиб под тем огнем,
Он стал там вечным рубежом.
И стал там вечно той землей,
О том, наследник, не забудь!

Из наших уст прими наказ,
Как мы тогда – насмерть стоять!
Когда придется в грозный час,
Сынам и внукам нужно знать.

ТРУДНО НАМ БЫЛО

Чудом остались в живых, до сих пор
Живет в нас кровавая сеча.
Пули врага нас косили в упор,
Если не насмерть, то тяжко калеча.

Шли мы вперед, шли навстречу врагу,
Падали, снова вставали.
Оставшись в живых – радовались дню
И снова шли в бой, наступали.

Без передышки и ночью и днем,
Без человеческих благ и уюта,
Шли на врага, защищая свой дом...
Родина нам посылала салюты!

Трудно нам было, но мы победили.
Странам Европы мы дали свободу.
Фашистов разбили, войну прекратили,
Чтоб без войны в мире жили народы.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Сегодня день скорби,
Начала войны,
День памяти павших
На длинном пути.

Друзей мы теряли
В жестоких боях,
Сейчас вспоминаем
И скорбь на устах.

Живой ты остался,
Пройдя страшный путь,
Победы дождался,
А их не вернуть...

Забвения нету,
Все память хранит:
Дорожные дали,
Окопный наш быт,

Землянки, траншеи,
Походы в ночи,
Сырые шинели
И стоны души.

В такой обстановке —
Ни шагу назад,
Подружки-винтовки
Да связка гранат.

Кружат самолеты
И пули свистят,
И с вражьих позиций
Снаряды летят.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы сегодня собрались
Вспомнить давние дни,
Как с врагами мы дрались.
Отстоять как смогли

Нашу Родину, землю
И родной Ленинград,
Очень был он нам дорог –
Встали старый и млад.

На переднем, и в цехе,
И на смертной меже –
Эти горькие вехи
Так далеки уже.

Но хранит наше сердце
До сегодняшних дней
Все разлуки и смерти...
Внук мой, помни о ней.

* * *

Нам сорок первый не забыть,
Нам сорок пятый вечно славить.
Мы победили, чтобы жить
И от войны народ избавить.

Немало верст мы прошагали
И в зной, и в стужу под огнем.
Жизнь за Победу отдавали
И приближали с каждым днем.

Не день, не два – четыре года
Сражались, отдыха не зная.
Победы праздник всенародный
Добыли в сорок пятом, в мае.

И слезы радости, и боль
Мы пережили в день Победы.
Нас много не пришло домой
Сынов, мужей, отцов и дедов.

Нам подвиг павших не забыть,
Свершенный в битве за отчизну.
Они мечтали тоже жить
Но шли на смерть во имя жизни.

* * *

За много лет послевоенных
С друзьями не встречалась я.
Жизнь разбросала по Вселенной,
Повсюду ждут меня друзья.

Но вот когда в часы забвенья,
В минуты отдыха иль сна,
Мы вновь и вновь со всей Вселенной,
Мы снова вместе, как тогда.

И бесконечные дороги,
Они вели нас всю войну,
Как нестерпимо стонут ноги,
Я слышу бой сквозь тишину.

Я слышу гул артиллерийский,
Разрывы бомб, гранаты взрыв,
Я ощущаю запах гари,
Металла, вздыбленного ввысь.

То вдруг опять передо мною
Синявинских болотов топь,
То Мга, то Тихвин, реки с кровью
И на дорогах наша кровь...

Зачем по пройденным дорогам
Меня ты водишь в тишине,
Забудь все прошлые тревоги,
Воспоминанья о войне.

У ОБЕЛИСКА

Седую голову склонил солдат
У неухоженного обелиска.
В глазах слезинки дребезжат,
Готовы пасть на щеку искрой.

Он вспомнил все, как воевал,
К Победе шел четыре года,
В окопах жил, недоедал
В мороз, и зной, и непогоду.

Но знал и помнил лишь одно,
Он защищал народ, Отчизну.
И выжил всем смертям назло,
Хотя и ранен был он трижды.

ПОМНИ

Пусть спят герои
сном безмятежным.
Они не дожили,
в войну полегли.
Отдали жизнь
за стремленье, надежды,
Чтоб поколенья
жить в мире могли.
В праздничный день
или в будние дни,
Шествуя мимо,
ты им поклонись.
Чтобы ты жил,
все отдали они,
Не пощадив даже
личную жизнь.
Помни, еще раз прошу,
не забудь.
Свято чти память
о павших.
Нелегкий прошли они
огненный путь,
Мы до сих пор еще
ищем пропавших.

ПОДАРОК МУЗЕЮ

В музее хранится солдатское платье,
В котором я шла по дорогам войны.
Оно опалено огнем и ненастьем
И долей нелегкой
Солдатской судьбы.

Сегодня дарю я
В ваш день именинный
Свои сапоги-кирзачи,
В которых шагала я
Летом и в зимы
По политой кровью земле.

Спросите у них,
Что они повидали
За долгий свой путь по войне?
Не только свои,
Заграничные дали
Исхожены были вдвойне.

Еще я дарю котелок свой солдатский,
Солдатский «сервиз» фронтовой.
Один на двоих, все делили по-братски:
Щи, кашу, пока не вернулись домой.

Саар – венгерская деревня,
За ней неделю мы стоим.
Зарывшись в землю, хоть нас мало,
Солдатский вид несокрушим.

Стреляй же, враг, ты сколько хочешь,
Проклятый немец, не убьешь
Наш русский дух. Ты враг заклятый,
Живым отсюда не уйдешь.

Врагу не нравилось, конечно,
Что с каждым днем все ближе мы
К его берлогу приближались,
Расплаты часа ждали мы.

И чтоб прожить часочек лишний,
Пускали в ход тогда они
Все «фердинанды» свои, «тигры»,
Всю технику своей страны.

Вооче видя час расплаты,
Враг снова зверство показал:
Парламентера в Будапеште
Он хладнокровно расстрелял.

ВСПОМНИ, СОЛДАТ

Вспомни, солдат, наши прошлые дни.
Ужасы дней тех и пекло войны.
Дорогу, как вечность, изрыту войной,
Окопы сырые и даже с водой.

Солдат, не забыл ты? Да нет, не забыл,
Где друзей по роте своей хоронил.
У них были мать, жинка, дочка и сын,
Который, наверно, ровесник с твоим.

Сегодня в наш праздник – солдата войны,
И праздник всей нашей Великой страны,
За круглым, широким, семейным столом
Мы чарку заздравную попну нальем.

Нальем и тому, кого нет среди нас.
Солдат молча вытрет слезу свою с глаз.
Он в мыслях уйдет по дорогам войны,
Дай Бог, чтоб не знали их наши сыны.

И вы – наши дочери, наши сыны,
Чтоб не было больше над нами войны.
Запомните крепко рассказы отцов,
Солдатов могилы, погибших бойцов,

Которых семья не дождалась с войны,
Салюта в их честь не услышат они.
Пусть пухом земля будет им в стылой мгле,
Живыми они часто снятся все мне.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В начале майских дней весны
И всей природы возрожденья
Мы ждали все конца войны,
Неповторимого мгновенья.

Каким-то тихим был рассвет,
Так непривычным вдруг солдату.
Конца мы ждали, слова нет,
Возмездия ждал враг – расплату.

Затихло все: разрывы мин
И выстрелы зловещих пушек.
От них становишься глухим,
Что канонаду ту заглушит.

Война все рушила, ломала.
Сколь лет ей не было конца.
И вдруг она в ту ночь устала,
Отбой дала за все года.

Солдаты вышли из окопов,
Покинув доты, блиндажи.
И замолчали пулеметы.
Ура! Ура! Конец войны!

И крик: «Ура!» как залпы пушек
Гремел повсюду от души,
И залпы из всех оружий
Солдаты слали просто ввысь.

Не веря, что конца дождались
Смертельной схватке и войне,
И на сей час в живых остались,
Что наступил мир на земле!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы – то радость и грусть.
День Победы – день встреч, расставаний.
Длинный солдатами пройден был путь,
Не измерить всех тех расстояний.

Да, не измерить, в строку не вложить
И не учесть наших бед и страданий.
Отчизне мы верой сумели служить,
Не учесть всех смертей и изгнаний.

День Победы всей нашей страны.
День не смерти, а жизни и счастья.
Всей израненной русской земли,
Прекращения бурь и ненастья.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	5
Воспоминания о моих родственниках, защитниках Отечества	7
Защитники в Великую Отечественную войну	12
Повестка и проводы на фронт	14
Дорога на фронт	16
Военная служба	18
Формирование дивизии	21
ПАХ (полевая хлебопекарня)	25
Политотдел	27
Под Сталинград	29
Секретарь партотдела	32
Еще один день военного времени	34
Минное поле	35
Посылка	36
Начальник политотдела	38
Два случая из военной жизни	39
В Беляевке	41
Курсы младших лейтенантов	43
О сибиряках	44
Освобождение братских стран	45
Инсценировка	47
Случай в Венгрии	48
День артиллерии	49
Наступление с берега Дуная	50
Бои за город Секешфехервар	51
Капитуляция Германии	52
О муже	53
Наши дети	55
О моей работе в совете ветеранов	56
<i>Стихи</i>	
Эхо войны	60
«Самолет летит над нами...»	61
О прошлом	62
«Смотрю кино я о войне...»	63

«Приходят с давних лет виденья...»	64
Начало войны	65
О братьях	66
Мы юными были	67
О себе	68
Проводы	69
О девушке-солдатке	70
«Все военные годы...»	71
Кому сказать	72
«Чтоб нам занять передовую...»	73
Мама	75
Трудной дорогой	76
Школьные подруги	77
Скажу о девушке одной	78
Минное поле	80
Я комсомолка	82
Санинструктор	83
Неравный бой	84
Атака	85
Письма	86
О кочетковцах	87
В суровый день	88
О разведчиках	89
Письмо к матери	90
«Кругом все ухало, горело...»	91
Разведка	92
Сибиряк и ленинградец	94
«Мечталось мне в дни лихолетья...»	97
Вошли в село, отбитое у немцев...»	98
Станица Сиротинская	99
В дни войны	101
У Дуная	103
Слава женщине	104
О былом	105
«Он, искалеченный войной...»	107
Память	108
Трудно нам было	109
День памяти	110
Воспоминание	111

«Нам сорок первый не забыть...»	112
«За много лет послевоенных...»	113
У обелиска.....	114
Помни	115
Подарок музею.....	116
«Саар – венгерская деревня...».....	117
Вспомни, солдат	118
В День Победы	119
День Победы.....	120

185 руб. 00 **цеча**
кол.

Литературно-художественное издание

Ванина Елена

ЭХО ВОЙНЫ

Редактор **Н. П. Глушкова**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Т. А. Козяева, Т. А. Сапова**
Компьютерная верстка
и дизайн обложки **М. Л. Костомаровой**

Подписано в печать 20.04.2010. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,21 + вкл. Уч.-изд. л. 4,39. Тираж 300 экз. Заказ № 83

Издательство «Кузбассвуиздат. 650099, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б. Тел. 58-29-34

